

Для Сэмпер

ПОРОЧНАЯ СВЯЗЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эля Саммер

Порочная связь

<https://litres.ru/74674697>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — буря: дерзкая дочь мафиозной семьи, живущая слухами, вечеринками и собственной свободой. Он — тишина: сдержанный солдат Семьи, привыкший держать эмоции под контролем.

Их семьи связаны кровью и властью, а их миры не должны пересекаться. Но одна встреча запускает цепь событий, которая изменит всё — и заставит каждого из них узнать, на что он готов ради другого.

История о любви, которая рождается вопреки всему: вопреки слухам, семьям и опасностям жестокого мира, в котором им довелось родиться.

Эля Саммер

Порочная связь

Пролог. Эффект бабочки

«Иногда одно решение меняет всё. И ты даже не знаешь, что сделал тотсамый шаг, который перевернул твою жизнь.»

— Пауло Коэльо

Селин

Родители, родственники, друзья, знакомые и даже враги подмечали мое сходство с папой. Можно подумать, что внешне, но нет, внешне я и моя младшая сестра Луна были копиями мамы, за исключением волос — они кудрявились. Вот только у Луны закручены так, что расческа не могла пройти между прядями, а мои, наоборот, можно легко расчесать или вовсе выпрямить, что, собственно, я и делала — не любила свои волосы от природы. Мое сходство с папой было в модели поведения: я любила вечеринки, ночные гулянки, алкоголь, иногда сигареты, но никогда запрещенные препараты — это табу, граница, через которую я никогда не перейду, как бы кто привлекательно не просил и не предлагал.

До определенной точки я и не думала о последствиях своих действий, не отдавала отчет, не ограничивала себя, потому что хотела насладиться свободной жизнью.

В детстве папа оберегал нас с Луной, как зеницу ока, как самое дорогое, что есть в его жизни — и так оно и было, и по этой самой причине я боялась контроля с его стороны, хотя, казалось, что, наоборот, мама должна контролировать дочерей, ведь нам передалась ее вера — вера из ее семьи. Однако именно папа постоянно грозился посадить нас в клетку, запереть в комнате, а на окна поставить решетки.

И правильно хотел сделать.

Почему он не сделал этого? Почему верил сквозь мои слезы и крики, что я буду и правда думать головой? В то время как я напрочь забыла о здравомыслии, особенно под действием алкоголя.

Я знала, что меня видели разгульной, что думали, что я шлюха и меня можно при желании купить, завоевать, выиграть в карты — нет, нельзя, потому что я сама решала, с кем спать, а с кем — нет. Я снимала крестик с шеи, чтобы Бог в такие моменты не следил за мной, хотя, наверное, это так глупо, ведь Бог не только в церкви, не только в нагрудном

крестике. Он везде. Он следит и бдит за каждым действием.

«И, если попросишь его о помощи, он постарается сделать все для этого», — говорила мама и складывала руки в замок, готовясь к молитве за столом.

Я не верила слепо в Бога как мама, Кадер и Луна. Я предпочитала сомневаться, анализировать, искать, спорить, а это часто оборачивалось конфликтом внутри семьи. Однако я не понимала, почему моим двоюродным братьям и дядям можно шутить про веру, а мне — нет? Почему они могут выбирать верить или нет, а я — нет? Почему я должна придерживаться устоев семьи? Почему не могу сделать собственный выбор? Почему не могу ошибиться, набраться опыта?

Лучше бы я не задавала эти вопросы. Лучше бы меня заперли в церковной школе. Лучше бы папа посадил меня на цепь.

Селин исполняется 18 лет.

Крики отдавались в ушах, голове, теле, костях. Руки тряслись, и от этого кровь с них стекала быстрее, и пол под ними покрывался красным цветом. Господи, пусть это будет красная краска...

Кто-то хотел оттащить меня от тела, но я не могла пошевелиться. Это было моей виной. Я доигралась. Теперь все будут говорить о том, что «шлюха семьи Аслан» получила по заслугам за свое развязное поведение. И, возможно, я готова принять это, потому что конец приходил всему. Должен прийти всему. Рано или поздно.

— Селин! — голос сестры раздался позади меня, но я никак не отреагировала. — Ради Аллаха, Селин, вставай!

Ради тебя, сестренка, встану, но никак не ради твоего Аллаха.

Ноги казались ватными. Я готова была повалиться всем телом на Луну, но понимала, что она не выдержит моего веса. В отличие от меня Луна имела маленький рост и хрупкое телосложение. Я же высокая и с формами, за которые парни вокруг готовы были убить друг друга.

Кое-кто уже разбежался из комнаты и в целом из коттеджа, но кто-то все еще остался в одной комнате с телом, что лежало на полу, истекая кровью. Чего они пилились? О чем все думали? Теперь загрызут меня, как собаки. Теперь на их лицах и в их жестах будет написано презрение, ведь «шлюха семьи Аслан» оступилась, и теперь ее ждал строгий выговор — в лучшем случае, если «папочка все решит».

Мой взгляд зацепился за черные глаза, что всегда поражали меня своей глубиной и... темнотой, обращенной ко всем остальным, но только не в мою сторону, а теперь в них таилось непонимание и обреченность. Наверняка он думал, что я лучше, что люди лишь распространяли грязные слухи, но... вот она я и вот оно окровавленное тело.

— Эмир... — прошептала я, когда Луна тащила меня за руку, и мы проходили мимо него.

Он лишь покачал головой в разные стороны, поджал губы, искривляя их, будто ему и правда противно находиться со мной в одном помещении, дышать одним воздухом. Но я ведь этого и хотела? Все, о чем я думала в последнее время, — чтобы меня оставили в покое, потому что мой образ жизни, мои ценности, мои взгляды не подходили ему.

Луна протолкнула меня в дверь, не обращая внимания на любопытные взгляды, в которых читалось презрение. Я и не заметила, как младшая сестра стала взрослее, мудрее, умнее. Возможно, даже умнее меня. И как ей удалось сохранять рассудок, глядя на тело и кровь? Я всегда считала, что Луна слишком сентиментальная как наша мама, но сейчас она вела меня среди толпы так, будто именно я являлась соплячкой.

— Нет-нет-нет! — запротестовала я, когда Луна повела меня к моей машине. — Только не домой! Только не в таком виде.

На улице уже давно стемнело. Вечеринка была в самом разгаре, и мы едва заметили, как пролетело время от заката до появления яркой луны на небе. Темнота позволяла скрыть мой внешний вид, но что будет утром?

— Мы не поедem домой, — резко отсекла дальнейшие мои слова Луна и села за руль, перед этим впихнув меня на пассажирское сиденье; у нее не было прав, но наш папа научил ее водить, потому что Луна любила тачки так же, как и он. Она буквально спала и видела, как купит себе самую дорогую машину, как только подрастет и сдаст на права. — Кадер прикроет нас. Она разрешила приехать в ее прежний дом, — сказала сестра, когда наконец завела мою машину.

— Черт...

Я прикрыла ладонью рот, потому что и Луна, и мама готовы были убить меня за такие слова.

— Прости, просто я не в себе...

— А ты когда-нибудь бываешь в себе, Селин? — недовольно спросила сестра и вывернула с парковки, удаляя нас от проклятого коттеджа, с которым теперь будет разбираться наша семья; Ийгит наверняка захочет перегрызть мне глотку. Наверное, там в принципе выстроится очередь за моей душой.

— Ты рассказала Кадер?

Я не могла поверить в то, что Кадер сохранит все в секрете от своей сестры, ведь они так близки, совсем как мы с Луной, но лучшего варианта, кажется, не было.

— Нельзя появиться в таком виде перед родителями, — сестра окинула меня презрительным взглядом, и я снова опустила глаза на свои руки и одежду, что были перепачканы кровью.

Удивительно, но сейчас я больше не чувствовала страха, лишь вину. Уйдет ли она? Смогу ли я простить себя? Все, что произошло сегодня, — запомнится надолго, если не навсегда.

Мне часто говорили, что я стану бедой чуть ли не всех мужчин, что будут окружать меня. Однако для меня эти слова звучали совершенно иначе. Мозг воспринимал это таким

образом, что бедой будет моя красота, от которой мужчины лишь сойдут с ума, но никак не умрут.

Боже, все это похоже на какую-то гребаную шутку или страшный сон.

«Селин, не вводи в заблуждение парней. Если ты не собираешься встречаться с ними, зачем эти пляски с бубном вокруг тебя?» — предупреждал Рамо.

Рамо был не только моим двоюродным братом, но и лучшим другом, что оберегал и защищал меня с самого детства. К нему я часто прислушивалась. Он казался самым спокойным, умным и рассудительным из всей троицы, состоящей из него, Атеша и

Ийгита . Однако даже его мысли и слова не могли остановить мою гуляющую натуру.

Я думала о Эмире, когда сжимала липкие руки и смотрела в открытое окно, ловя лицом порывы ветра, пока Луна жала на газ как в последний раз. Его не должно было быть на вечеринке. Он не должен был увидеть меня такой.

Неужели я и правда хотела быть для него лучше? Устои его семьи совпадали с устоями моей семьи, но никак не с

моими. Эмир не был святым и уж точно не держал себя в руках рядом с девушками, по крайней мере, я так думала.

От кого: Эмир

Если ты думала, что то, что произошло сегодня, может отпугнуть меня, ты глубоко ошибаешься, буря.

Буря. Только для него я была гребаной бурей. Почему сердце отказывало, когда взгляд цеплялся за Валентино? Почему ему не противно находиться рядом со мной? Его семья явно против меня, но никто не мог отказать Аслан.

Любить Аслан опасно.

Раньше так думали только про мужскую половину нашей семьи. Так было до меня и моих сумасшедших поступков.

Я не стала ничего отвечать на сообщение Эмира, потому что дрожащие пальцы не слушали меня. Пожалуй, подумаю об этом завтра. И обо всем остальном — тоже.

Эмир

Я всегда брал ответственность за свои поступки, всегда отдавал себе отчет. Я хоть и являлся младшим в семье, но не считал, что должен расслабляться и позволять себе раз-

гульную жизнь. Однако это было обосновано еще и тем, что наша с Левентом мать была верующей женщиной, которая приобщала нас к вере и водила каждые выходные в мечеть. Отец, конечно, был не в восторге, особенно за Левента — моего старшего брата, потому что теперь он стал Агой, семьи Кылыч, занял место нашего отца, поэтому он не посещал мечеть так часто, как я, — был постоянно в делах.

Но, увидев ее с разбросанными кудрявыми волосами по спине и плечам, отливающими золотым на солнце, я подумал, что хорошо бы потерять весь этот долбанный контроль. А после, как она посмотрела на меня карими, почти черными глазами, я подумал, что готов согрешить ради нее.

Конечно, до моих ушей доходили слухи о репутации Селин Аслан. Многие пускали сплетни, что она спала чуть ли не со всеми парнями, что попадали под ее руку. Пару раз я видел, как она целовалась сначала с одним парнем, затем — с другим. Однако и меня нельзя было назвать святым, хотя мама и держала нас в строгости — никто не отменял силу природы.

— Очки тебе бы точно не помешали, — вдруг раздался нежный голос за спиной, пока я стоял возле барной стойки и пялился на запретный плод.

Я повернулся всем корпусом к источнику звука, опираясь теперь о барную стойку спиной и увидел, кто нарушил мой покой, — девушка была похожа на Селин, но с более мягкими чертами лица и сильно кудрявыми волосами, наверное, это ее младшая сестра, но что она здесь делала?

— Луна, — она протянула руку и мягко улыбнулась, почти застенчиво. — Надеюсь, мне не нужно говорить, кто я? — вопросительно выгнула бровь Луна.

Я издал смешок и отпустил ее руку, что была меньше моей раза в два. Аслан были такими зазнайками, но в этом, наверное, не было их вины, ведь, по сути, все должны их знать и бояться.

— Эмир, — представился я в ответ и отпил газировку из стакана. — И, да, я знаю, кто ты.

Луна окинула меня странным взглядом, словно оценивала.

— Тебе ведь пятнадцать? — подозрительно спросил я.

— Мой возраст имеет значение? — как-то по-детски задала вопрос Луна и откинула кудряшки от лица.

— В данном помещении — да.

Мы были на территории клуба, принадлежащего семье Аслан, но вряд ли родители Луны будут довольны тем, что их младшая дочь тусовалась в таком возрасте со взрослыми.

— Я здесь с сестрой, все нормально, — отмахнулась Луна, и мне захотелось рассмеяться, потому что то, что Селин находилась здесь совершенно не означало, что ее младшая сестра защищена наилучшим образом. Вообще, можно было сказать, что никаким образом не защищена, потому что Селин изучала рты парней вокруг себя.

— Что ты имела в виду, когда сказала про очки? — я придвинулся чуть ближе к Луне, чтобы не срывать голос из-за громкой музыки, и поставил стакан на барную стойку, отодвигая подальше от себя.

Луна сначала как-то недоверчиво взглянула на меня, но потом уселась на высокий стул, выглядя теперь совсем взрослой. За каких-то несколько минут я уже успел удивиться тому, как младшая сестра Селин умела держать себя, причем перед незнакомыми людьми.

— Очки... — задумчиво произнесла она и снова улыбнулась, метнув взгляд в сторону сестры. — Просто ты так пя-

лилсь на нее, что я подумала, тебе не помешают очки, чтобы лучше рассмотреть, куда она сует свой грязный язык, — в конце Луна смешно фыркнула, хотя остальные слова сказала на полном серьезе. — Как ты сказал... Эмир?

Я кивнул, но она не успела дальше продолжить свою мысль, как меня резко схватили за руку и развернули к себе.

Это была она. Буря. В ее глазах стояла ненависть, а вся она пропахла мужскими духами, алкоголем и сигаретами.

— Какого черта ты ошиваешься возле моей сестры?! — нагло и дерзко спросила она, жестикулируя руками, чуть ли не задевая проходящих мимо девушек и парней. — Ты хоть в курсе, сколько ей лет?! — Селин подошла ко мне ближе и стала тыкать пальцем в грудь, сощутив при этом глаза.

Она была маленького роста по сравнению со мной, но то, как яростно отстаивала границы Луны, поражало и заставляло думать, что рост не играл роли.

— Селин, я лишь разговаривал с Луной, ничего более мы не делали и не собирались, — попытался успокоить я, смотря прямо в черные, как бездна глаза.

Селин скривила губы, затем сделала два шага назад и, оки-

нув меня очередным злобным взглядом, обошла сбоку, взяла за руку сестру и стала уводить ее из клуба.

Селин исполняется 18 лет.

Еще тогда я должен был понять, что Селин Аслан — худший для меня и моей семьи вариант, несмотря на то, что родство с семьей Аслан могло принести много «плюшек», но я не из тех мужчин, что хотели залезть в нижнее белье Девушки просто потому, что она двоюродная сестра аги — Ийгита Аслана.

Однако сколько бы я не противился себе и поведению Селин, которое шло в разрез с моими принципами жизни, а уж тем более взглядами матери, просто не мог остановить себя и вечно крутящиеся мысли и картинки, всплывающие, когда я закрывал глаза, представляя её перед собой.

Несмотря на то, что я был младшим в семье, отец и мать все равно подыскивали мне партию, и они уж точно не думали, что мой выбор падет на девушку, что младше меня на шесть лет, что ведет разгульный образ жизни, практически каждую ночь путаясь в клубах и на улицах вечернего Стамбула, попадая в различные «заварушки». Если бы я не знал, что их с Луной мама, Джемма, верующая, то расценил бы поведение Селин, как что-то нормальное для ее возраста —

семнадцать лет, — но пазлы явно не сходились.

Я стоял на месте, как вкопанный, будто кто-то присыпал земли на мои ноги, и не мог пошевелиться, лишь смотрел теперь на испуганные глаза Селин, в которых читался ужас, а его я не видел ни разу, если кто-то вообще видел, потому что большинство времени темные глаза горели ярко — в них отражались шальные искорки.

— Надеюсь, теперь ты перестанешь думать о ней, — серьезно шепнул на ухо Левент.

Вряд ли кому-то из моей семьи нравилась Селин, а теперь — и подавно.

— Я серьезно, Эмир, прекрати уже этот детский сад, девочка никогда не наиграется, — брат в очередной раз схватил меня за плечо и сжал его, чтобы я, наверное, обратил на него внимание, потому что взгляд все еще цеплялся за Селин и Луну, которая оттаскивала сестру от уже мертвого тела.

— Может, я сам решу устраивать мне детский сад или нет? — огрызнулся я, потому что уже порядком поднадоели наравоучения старшего брата. Он думал, что если у него есть жена и ребенок, то вправе раздавать советы?

Левент ничего не ответил, лишь выпустил мое плечо из стальной хватки, теперь направляясь к выходу.

Спустя несколько минут девушка поймала мой взгляд и еле слышно позвала меня по имени, но я лишь злобно посмотрел на нее в ответ, ведь отчасти мой брат был прав: таких, как она, вряд ли можно было укротить. Их характер разрушал все на своем пути, заставлял рвать и метать, заставлял хотеть убить, а еще взять и хорошенько встряхнуть, чтобы наконец пришли в себя. Однако я считал, что мог «подчинить» Селин себе, как бы ужасно это не звучало.

Глава 1. Неправильные задатки

«Мы не выбираем свою семью. Но мы выбираем, кем стать, несмотря на неё.»

— Харуки Мураками

Прошлое. Селин 7 лет

Мама часто повторяла, что я должна быть осторожной, ведь падать больно, но я все равно бегала, сломя голову, вместе с мальчишками и девочками, с которыми мы познакомились в школе. Это был первый год в школе, и мне уже там не нравилось, потому что учителя хотели укротить мой характер, чтобы мой пыл остыл, — я не могла усидеть на месте,

в отличие от сестры — Луны, которая любила сидеть у папы на коленках, а еще крутить руль, когда мы ехали в машине.

— Ты можешь не ехать так быстро?

Мама в очередной раз хватала папу за руку и зло смотрела на него.

— У тебя на коленях сидит твоя дочь, Серхат! — снова упрек, а папа лишь смеялся, потому что Луна улыбалась так, будто получила самую лучшую игрушку на свете.

— Все под контролем, розочка, — отозвался папа и как-то по-хитрому улыбнулся, хватая одной рукой руль, а второй поддерживая мою сестру.

Мама устало вздохнула и повернулась ко мне. Когда она легко улыбнулась, я тоже приподняла уголки губ, затем отвела взгляд, смотря на бесконечные дома, что мы проезжали, возвращаясь домой из школы.

— Розочка, розочка, розочка! — вдруг заверещала Луна писклявым голоском, и папа засмеялся еще громче.

Я часто слышала, что папа так звал маму, но не вдавалась в подробности, потому что это точно было только между ни-

ми. Казалось, что первым словом Луны было не мама или папа, а именно «розочка», — настолько часто мы слышали это прозвище.

После школы я обычно уходила в сад на заднем дворе, чтобы побыть одной, хотя на самом деле не выносила одиночества, но то было лучше, чем сидеть и делать уроки, — ненавидела их, они заставляли погружаться в совсем иной мир — скучный и нудный.

— Кто у нас тут затаился? — услышала я знакомый голос, который слышала с самых пеленок — Массимо.

Он вышел из-за кустов и опустился на корточки возле меня, вглядываясь теперь в мое лицо.

— Что случилось, котенок? Кто-то обидел в школе? Ты же знаешь, что можешь все мне рассказать? — Рамо склонил голову вбок, но я продолжала закрывать лицо кудрявыми волосами, которые давно хотела отстричь.

— Просто... мне там не нравится, — вздохнула я и пожала плечами, глядя вниз на зеленую траву. — Я хочу гулять и веселиться с друзьями! — я надула губы, как будто мне было не семь лет, а три года.

Рамо по-доброму рассмеялся и взял мои руки в свои, немного сжав их. Мы были близки с ним. Мне нравилось, что он понимал меня, возможно, даже лучше, чем папа и мама, да и вообще кто-либо другой; возможно, ему тоже было невыносимо быть одному, хотя на его лице никогда нельзя было заметить явных эмоций, но он часто проводил время с моими двоюродными братьями: Ийгитом и Атешом.

— Мы все через это проходили, котенок, так что, тебе нужно потерпеть, ладно? Ради мамы и папы. Сделай им приятно, а еще постарайся ни с кем не драться, — усмехнулся Рамо.

Я позволила себе улыбнуться. Драки были чем-то нормальным для меня. Я могла наброситься и на мальчишку, и на девчонку, если они обижали меня или моих друзей. Мама пообещала, что когда я стану старше, она займется со мной борьбой, потому что это то, что приносило ей удовольствие, да и я сама часто видела, как они с папой занимались спортом в нашем большом особняке на первом этаже в спортзале. Но борьба нравилась и мне. Казалось, что только с помощью нее я могла усмирить свой пыл, выбить нескончаемую энергию из тела.

— Ладно, — хитро улыбнулась я и встала с шезлонга.

Рамо выпрямился и зачесал пальцами некоторые пряди непослушных черных волос назад.

— Ладно это: не будешь драться или потерпишь школу?
— спросил он и протянул мне руку, чтобы я схватилась за нее.

Я не стала ничего отвечать, лишь хмыкнула и вложила ладонь в руку Рамо, теперь прыгая возле него, пока мы шли в дом.

За несколько месяцев до...

Настоящее время

Селин

Чертова девка, которая решила, что вправе фотографировать меня и выкладывать в чат класса, пока мой рот был занят ртом одноклассника, получала сейчас по заслугам. Я дергала ее за волосы, наклоняя все ниже и ниже, чтобы она практически целовала мокрый после дождя асфальт, но она и ее дружки пытались оттолкнуть меня.

— Больная Аслан! — прокричал кто-то сзади, но было плевать — слишком часто я это слышала, поэтому перестала обращать внимание.

Школу я научилась терпеть, а вот обходиться без драк и драм — нет. Да простит меня Рамо и все те, кому я приносила беды и головные боли. В основном это, конечно, мои родители.

— Удали долбанные фотки! — зашипела я и оттолкнула от себя одноклассницу, вырвав несколько ее белокурых волос.

Как только она и ее друзья хотели что-то ответить, раздался «визг» шин, и мы все обернулись, точнее все, кроме меня, потому что я знала, кто это был, — мой отец, кто же еще?

Все тут же разбежались, оставляя меня одну у входа в школу, но я продолжала стоять, как вкопанная, будто вросла в землю, — знала, что, когда обернусь, увижу взгляд полный горечи, ведь я каждый раз обещала и повторяла одно и то же: я изменяюсь, я не буду драться, я не буду ругаться, я не буду пить и так далее. В общем, бесконечные обещания и ничего больше.

Папа обошел меня и встал напротив, прожигая взглядом. Он крутил в руке ключи от машины, наверняка пытаясь таким образом успокоиться. Они с мамой никогда не срывались на нас, никогда не кричали, потому что по их глазам

можно было прочесть то, насколько они разочарованы в нас. Или во мне, ведь Луна была чуть ли не святой. И как две родные сестры могли быть настолько разными?

— Она получила по заслугам, — уверенно произнесла я, когда папа взял меня под руку и повел к машине. — Она сфоткала меня! — пыталась достучаться я.

Папа не реагировал, лишь нервно открыл передо мной пассажирскую дверь и в пригласительном жесте остановился возле машины, ожидая, пока я сяду в нее. И я села, резко опустив задницу на кожаное сиденье любимой папиной машины, которую он берег, как зеницу ока, разрешая кататься только самому себе и Луне. Нашей маме он редко доверял машины, и в этом мы с ней были похожи — я тоже не очень-то хороша за рулем, хоть мне и купили личный автомобиль.

Всю дорогу от школы до дома я сидела, сложа руки под грудью, жуя жвачку, явно раздражая этим папу, который то и дело косился на меня злобным взглядом, но до сих пор ничего не сказал. Он вообще часто молчал в такие моменты, и я предполагала, что это все из-за того, что папа попросту боялся сорваться и наговорить лишнего, но лучше бы он говорил колкие словечки, чем молчал, потому что такое поведение только убивало, по крайней мере, меня.

Когда мы вернулись в особняк семьи, сразу же направились в наше крыло, точнее я даже и не собиралась встречаться с кем-то, кроме мамы или сестры, — не было настроения, да и не хотелось, чтобы кто-то еще высказал свое мнение по поводу моего поведения.

Мама уже сидела на диване в гостиной вместе с Луной, пытаясь делать вид, что увлеченно смотрели на телевизоре кино, но я знала, что папа уже все сообщил им, либо Луна подсмотрела у кого-нибудь в инстаграме увлекательное видео, которое, не сомневалась, снимали, пока я таскала ту девку за волосы, — в современном обществе ничего не проходило бесследно, мне-то не знать.

— Селин, ты не должна бросаться таким образом на девушек.

Значит на мальчиков можно?

— Если тебя не устроили фотографии, которые она сделала, то следи за своим поведением в обществе, — пыталась донести до меня мама, когда мы с папой опустились на соседние кресла.

— Серьезно, Джемма? — вдруг спросил папа и нервно усмехнулся, будто его вообще не устраивало то, что проис-

ходило.

Мама вопросительно изогнула бровь и перевела взгляд на него.

— Нам нужно поговорить об этом наедине, — объяснил папа и встал с кресла.

Что значит поговорить наедине? Я готова была вскипеть от этих слов и его манеры общения, будто меня здесь не было.

— Нет, — резко отсекла я и тоже встала, сжимая руки в кулаки. — Поговори здесь, со мной, с нами.

Луна покачала головой в разные стороны, будто была умнее всех здесь взятых.

Папа вздохнул и снова сел в кресло, а я повторила за ним.

— Ты знаешь, что я не поддерживаю то, что твоя мама отпускает тебя везде и всюду, не заботясь о твоей репутации, — начал он, сложив руки в замок и положив локти на колени.

— И вы ругаетесь по этому поводу, — я кивнула, как бы подтверждая свои слова.

Пару раз я слышала, как родители спорили по поводу методов воспитания, но если с Луной проблем не было, пока что, то со мной никто не мог справиться. Я не могла сказать, что мама действительно была настолько лояльной, потому что, все же, она была верующей и приобщала нас к церкви.

— Это не правда, — возмутилась мама. — Я даю свободу нашим дочерям, но не поддерживаю такое, — она указала на меня рукой, — поведение и такую разгульную жизнь, но, видимо, у нас с тобой с каких-то пор на этот счет разное мнение, — мама нахмурилась.

Возможно, я понимала некоторую суть их разговора, потому что кто-то пускал слухи о том, насколько старшая дочь похожа на своего отца в молодости, когда тот вел такой же разгульный образ жизни и... не хотел отказываться от него. Однако теперь он тут: женат, с двумя дочерьми, а еще ставил запреты, хотя и сам был не лучше...

— Селин, я не хочу ставить решетки на окна и замки на двери, но если так будет продолжаться... — продолжил папа, и я закатила глаза. — Никто не сможет потом отмыть твою репутацию, понимаешь?

— Почему ты не заботился о своей репутации в молодости?

сти? — вылетело с языка, и я тут же пожалела об этом. — Почему парням можно разгуливать и трах... заниматься сексом со всеми подряд, а нам, — я указала пальцем сначала на себя, потом на Луну, которая округлила и без этого огромные глаза, — нельзя? Почему тебя считали самцом, а нас — шлюхами?!

Это были долбанные двойные стандарты, которые я не понимала.

— Пожалуй, я пойду, — поднялась сестра с дивана; ей всегда были чужды ссоры между членами семьи.

— Послушай, в молодости мы все совершаем ошибки, и тогда я не думал о последствиях, — папин взгляд остановился на маме, и она слегла улыбнулась ему. — Но теперь, глядя на мой пример, можешь стать лучше.

Что, если я не хотела быть лучше? Что если я хотела учиться на собственных ошибках? Набираться собственного опыта?

— То, что ты носишь фамилию Аслан, конечно, дает тебе все привилегии в этом и других городах, но это не значит, что ты можешь ими пренебрегать.

— Я не какая-то там зазнайка! — огрызнулась я.

— Хватит, Селин! — вступилась наконец мама. — Я думала, что если дам свободу, то вы не будете попадать в передряги, потому что незачем, но оказалось, что здесь все работает не так, — она говорила это с какой-то невероятной досадой в голосе, будто ей было безумно стыдно за меня.

Разговор не пришел ни к чему рациональному, логичному или нормальному. Мы снова чуть ли не поругались из-за моего упрямого характера. Я не могла сказать, почему именно хотела попадать задницей в приключения, почему меня тянуло на громкие вечеринки, которые длились до утра. Возможно было предположить, что это был некий протест. Протест папе, ведь именно он запрещал вести разгульный образ жизни. Возможно, еще это было связано с тем, что мне хотелось нагуляться до того, как мне подыщут партию, хотя родители то и дело твердили, что в нашем с Луной случае это совершенно не обязательно, но кто знает, как может повернуться судьба?

— Хорошо это: перестанешь драться и вырывать волосы девочкам или окончательно прекратишь гулять? — насмешливо спросил Рамо, когда мы встретились в саду, совсем как в мое детство.

Он не изменял традициям задавать странные вопросы, но этим и нравился двоюродный брат.

— Если бы я сама знала, — пожала я плечами, посматривая на свои руки, которыми недавно таскала за волосы одноклассницу. Как хорошо, что скоро я попрощаюсь со школой, — нужно вскоре будет сдать экзамены, и наступит свобода.

— Просто будь осторожна, котенок, особенно с парнями.

Рамо приобнял меня за плечи, и я хихикнула; мне нравилось, что даже через года мы были близки и что даже теперь, когда у него была семья, он все равно уделял время двоюродным братья и сестрам, которые тоже разбежались и были заняты.

Прошрое. Эмиру 10 лет

Мальчишки вокруг меня постоянно задирали девчонок. Им было все равно, что они делали больно, дергая за косички, или что грязные слова, даже в таком возрасте, вовсе не означали их крутость. Я же старалась избегать этого, старался не поддаваться на их провокации, в которые они пытались затащить меня.

Моим воспитанием в основном занималась мама, потому

что папа был занят старшим сыном — Левентом, который должен был стать агой вместо него. Я все еще не совсем понимал смысл этого слова и весь тот мир, в котором мы жили, да и папа постоянно повторял, что мне это не нужно и что я мог радоваться этому.

— Эмир, милый, все хорошо? Как дела в школе? — поинтересовалась мама, как только я сел в машину на заднее сиденье.

— Я не хочу идти в мечеть сегодня, — пролепетал тихо я, будто хотел и вовсе сказать себе под нос. — Почему Левент не ходит с нами?

На самом деле я завидовал ему, из-за чего мы часто ссорились.

Мама обернулась, снова остановив машину, как только отпустила газ. Я знал, что ее расстраивала такая позиция, знал, что она старалась для всех нас, хотя папа тоже не часто посещал мечеть, но чувство несправедливости ликовало во мне сильнее с каждым разом.

— Ты же знаешь, что твой брат занят подготовкой для должности Аги, поэтому у него нет столько времени, как у тебя, — объяснила мама, но я слышал это так часто, что сло-

ва, казалось, ввелись в кожу. — Кто-то из твоих друзей дразнит тебя? — она склонила голову вбок.

— Они не мои друзья, — резко ответил я и отвернулся к окну, не желая более продолжать этот разговор.

Мама вздохнула, понимая мое состояние. Я никогда не спорил с ней, потому что ей было достаточно Левента. В отличие от меня он был вспыльчивым и эмоциональным, а еще любил отстаивать свою точку зрения.

Я не мог сказать, что ходить в мечеть было чем-то плохим для меня, неправильным или постыдным. Наша мама с детства прививала нам веру, поэтому походы на службы и молитвы за столом перед каждым приемом пищи были нормальной практикой, да и привычной. Однако мне казалось странным молиться Аллаху, а потом убивать людей, хоть и наших врагов.

Настоящее время

Эмир

Saat 13:25. Голубая мечеть (Султанахмет) Стамбул

Намаз длился дольше обычного, отчего ныло все тело,

хоть мы и сидели на ковре. Левент снова не появился в мечети, но наша мама не осуждала его, — он ведь, наконец, стал Агой, заменил нашего отца, который в последнее время был совсем плох — проблемы с сердцем.

Я скользнул глазами по просторному залу, вглядываясь в макушки голов впереди сидящих людей, и только сейчас заметил двух девушек с кудрявыми волосами: у одной они были завязаны в подобие пучка под платком, а у другой — распущены, некоторые пряди были светлее других, наверняка окрашены. Одна сидела спокойно, слушая каждое слово имама, другая же то и дело крутилась, не могла усидеть на месте. Я знал, кто это, потому что часто видел их двоих или троих — с их матерью — в мечети, однако никогда не смел долго заглядываться, тем более — подходить. Не то чтобы женщины семьи Аслан были под запретом, хотя, уверен, что отец Луны и Селин, Серхат, оберегал их, как самое ценное сокровище, но репутация старшей Аслан бежала впереди нее, и я знал, что моя семья точно не одобрит такую как она. Хотя с другой стороны — почему я должен думать об их одобрении, если это, черт возьми, должно быть только моим решением?

Имам закончил чтение дуа, и в мечети стало тихо. Здесь бывала такая мертвая тишина, от которой пробирало до костей, будто мы сидели на кладбище и кого-то хоронили. За-

тем я и мама поднялись с ковра, следуя за остальными прохожими, и, коснувшись рукой лица, последовали к выходу. В груди почему-то закололо, был большой соблазн обернуться, чтобы рассмотреть сестер Аслан, но не пришлось этого делать, потому что они прошмыгнули быстрым шагом в паре метрах от нас. Старшая о чем-то шептала младшей, а та кричилась, морща маленький носик, кажется, ей было лет пятнадцать, хотя выглядела старше своего возраста.

Будто почувствовав мой пристальный взгляд, Селин обернулась и, выгнув бровь, вопросительно посмотрела на меня, мол, чего тебе надо? А мне хотелось усмехнуться от ее дерзости.

— Ты pomoжeшь Мелек сегодня? — спросила мама, когда мы вышли на улицу и вдохнули свежий воздух, что с утра еще был прохладным.

Мелек Кылыч — жена моего брата. Она работала в детском доме, в котором и сама выросла. Ей нравилось ухаживать за детьми и дарить им теплые воспоминания. Их сыну с Левентом было уже три года, и он вполне мог оставаться с бабушкой или с кем-то еще из семьи.

Сегодня Мелек нужна была моя помощь с выгрузкой нескольких вещей, что должны привезти из другого города.

Раньше этот детский дом был совсем другим, да и никто не обращал на него внимания до того, как мой брат не влюбился в Мелек. Так часто бывало — пока нас что-то не коснулось, буквально проглаживая по коже холодом, от которого появлялись мурашки, и не замечали, что вокруг происходило полнейшее дерьмо.

— Я же обещал, — пожал плечами я и открыл пассажирскую дверь, чтобы мама села в машину.

Взгляд был отстраненным. Я осматривался по сторонам, не понимая, почему именно сегодня Селин Аслан привлекла мое внимание. Они с сестрой стояли возле красной тачки, на которую опиралась всем телом старшая. Я размышлял: она и правда такая дерзкая или только делала вид?

Луна стояла возле нее, но не обращала внимания на сестру, лишь пялилась в телефон и пританцовывала на месте, будто слушала музыку. Как они могли быть настолько разными? Как одна выглядела, как божий одуванчик, а вторая, как искушающий дьявол?

*Saat 15:00 (три часа после полудня). Детский дом.
«Mutlu bebek»*

В детском доме шума было хоть отбавляй и не только из-

за детей, постоянно носящихся туда-сюда по двору и зданию, что было довольно опасно, потому практически каждый день сюда ездила скорая помощь — дети падали с лестниц, спотыкались о камни и друг друга. Как Мелек хватало на все это терпения — я не знал. Шумно было еще потому, что сегодня все желающие могли привезти в детский дом ненужные детские вещи или игрушки. Жена моего брата не часто устраивала такие дни. Во-первых, потому что это было энергозатратно — общаться с людьми и принимать вещи. Во-вторых, опасно, потому что она жена Аги, да и в принципе наша семья приближена к Асланам, хотя мне лично не удавалось общаться с ними напрямую. Поэтому, когда я приехал на место, заметил много охраны вокруг здания. Некоторых из солдат я знал, потому что мы часто выбирались под командованием Левента в сердце Стамбула, где азартные людишки оставляли все свои деньги, а мы забирали доход для передачи .

— Привет, Мелек, — поздоровался я, когда она выбежала на крыльцо, пока гналась за одним из своих воспитанников. — Как ты с ними справляешься? — устало издал смешок я, когда попытался поймать мальчугана за шкурку, но он успел увернуть.

— Привет, Эмир, — улыбнулась она, обнажая идеально ровные белые зубы.

Меня все еще немного смешил ее акцент, который, наверное, останется на всю жизнь, потому что она была родом из Урфы, а приехала в Стамбул вместе с родителями, которых в последствии потеряла в автокатастрофе. Затем детский дом, ненависть на весь мир и на несправедливость, а потом... мой брат.

— Поверь, вообще не справляюсь, — хмыкнула она и откинула темные волосы назад.

По внешности она не была похожа на девушку из Урфы, но я и не вдавался в подробности ее корней.

— Скажи, с чем тебе помочь, — обратился я к Мелек, и она махнула рукой в сторону здания, чтобы мы прошли внутрь.

— Оказывается мебель привезут завтра, я просто забылась, потому что сегодня сбор... э-э... вещей, — буквально протараторила Мелек; иногда она путала буквы или слова, особенно если говорила так быстро, но, спустя несколько лет их совместной жизни с Левентом, мы привыкли. — Так что, буду признательна, если ты поможешь мне с принятием вещей у тех, кто будет приходить сегодня. Думаю, наплыв будет большим, — объяснила она, и мы зашли в большой зал,

который являлся спорт-залом. В нем уже стояло несколько пластмассовых коробок, куда можно складывать принесенные вещи.

— Конечно, сестра моя, — согласился я, и мы прошли к столу, где лежали бумаги, в которых, как она рассказала, нужно было записывать имена тех, кто приносил вещи, и что именно приносил. Это нужно было для того, чтобы потом, в случае возврата, если что-то не устроит Мелек, легко найти человека и отдать вещи.

Она еще раз показала и рассказала мне, что для чего нужно, хотя я и так уже понял, что к чему, но Мел была довольно суетливой, особенно если дело касалось ее работы и детей, окружающих ее со всех сторон. Иногда я завидовал выдержке Мелек, не понимая, как ей удавалось так легко контактировать с детьми и здесь, и дома, занимаясь с сыном. Конечно, дома ей помогал Левент, но все же...

— Какой ты лапочка! — услышал я, когда записал мужчину и женщину в блокнот, которые принесли игрушки для маленьких детей.

Наверное, мне даже было чуть неловко от осознания того, что я стоял сейчас посреди спортивного зала в детском доме, посреди криков, а мог или даже чаще всего стоял посреди

луж крови, оставшихся от наших врагов, должников и предателей. Как будто совершенно разные личности.

— Как тебя зовут? — голос знакомый, но смутно, будто я его слышал, но один или два раза.

Я выпрямился и стал вглядываться в толпу, что собралась аж до самого выхода из зала, затем увидел Селин и... кажется, Кадер, жену Рамо Аслана. Они обе держали большие черные пакеты, которые наверняка нужны были для мусора, но только в них могла уместиться одежда.

Селин продолжала разговаривать с маленьким мальчиком, который, в свою очередь, показывал ей машинку, что-то рассказывая и улыбаясь, а она внимательно, с интересом слушала и кивала.

А вот и другая твоя личность, буря. Сколько же еще личностей живет в тебе?

— Здравствуй, — поздоровалась Кадер и мягко улыбнулась.

— Здравствуй, Кадер, — отозвался я.

— Тебе нужно что-то записать о нас? — поинтересовалась

она, и потом Селин с Джаном нагнали ее, вставая напротив меня. Джан оглядел меня с ног до головы, будто оценивая. В отличие от Левента и моего отца, мы не встречались с ним близко. Мы все же пожали с ним руки, и он снова стал оглядываться.

— Да, нам нужно записывать, кто что принес, — объяснил я, и Кадер с Селин стали развязывать мешки, показывая, что в них. В основном там были детские вещи, которых, уверен, осталось еще немерено в их доме, ведь все в курсе того, насколько сильно разрослись семья Аслан.

Селин внимательно следила за моими движениями, будто я делал что-то подозрительное или что она не доверяла мне. Возможно, такое поведение передалось ей от отца, потому что он вел себя точно так же, насколько мне известно, а что говорить о повадках и характере...

— Готово, — оповестил я. — Можете оставить вон у тех коробок, а мы все сложим в них, когда окончательно разберем вещи.

Девушки кивнули, затем отошли чуть в сторону, давая пространство для остальных. За ними прошел Джан, как личный телохранитель. Мне хотелось последить за Селин, но не мог, потому что народу становилось только больше, а Ме-

лек должна подойти примерно через полчаса. А пока меня могли разорвать на части то ли дети, то ли люди, приносящие вещи.

Aksam 19:00 (семь часов вечера). Клуб «Кулу». Стамбул

После таких дней, как этот, а то и хуже, я заходил в Кулу, где дрался либо с грушей, либо с соперником в виде солдата Семьи. Изредка здесь появлялся Ийгит Аслан со своим семейством, но... практически постоянным посетителем была Селин. Она, бывало, приходила не одна, а с Джеммой, которая обучала ее борьбе, потому что была хороша в этом. Я слышал, что Селин хотела вести тренировки для девушек, как когда-то мечтала ее мать, и она действительно какое-то время обучала, но потом... дети, дети, дети.

Сейчас Селин занималась на ринге вместе с Джаном. Между ними как будто пролетала опасная искра. То Селин, то Джан сжимали челюсти и били со всей силы, по крайней мере, так казалось со стороны. Неужели старшая дочь Серхата, что-то снова натворила, и за это получили чуть не все в их доме?

Она была хороша. Ее телу и фигуре могли позавидовать все девушки Стамбула, если уже не делали это. Селин не от-

личалась худобой, но ее фигура представляла собой песочные часы: из-за широких бедер ее талия казалась еще меньше, будто можно было одной рукой обхватить ее и притянуть к себе. Она двигалась легко на ринге, порхала, как бабочка, а движения были отточенными. Мне вдруг захотелось подраться с ней, чтобы почувствовать на себе ее удары, возможно, даже получить в челюсть или в нос, чтобы сознание пошатнулось. Черт возьми, почему я вообще думал о ней?

— Эмир, слишком долго пялишься, — вдруг раздался голос брата позади меня. — Джан уже косится в твою сторону, — предупредил Левент, и я перевел взгляд на младшего сына Кемаля Аслана, который не пропускал ни одного удара, даже пока посматривал в мою сторону.

Я повторял себе лишь одно, смотря на Селин: ты не хочешь ее. Она — проблема. Прекрати это дерьмо, или Аслан придется выбить его из тебя.

Однако дьявол на левом плече кричал громче: давай же, Эмир, посмотри на нее внимательнее. Ты ведь уже клюнул. Так чего же ждешь?

Я помотал головой, чтобы выйти из своеобразного транса, затем повернулся в сторону раздевалок и быстрым шагом прошел в мужскую. В этот момент раздалось громкое жен-

ское «ой», но я не обернулся, потому что знал, что это была она.

Глава 2. Борись со мной

«В каждом человеке есть два волка. Тот, кого ты кормишь — побеждает.»

— Пословица чероки

Прошлое. Селин 11 лет

Я бежала по коридору нашего огромного особняка, чтобы убежать от Джана, который считал, что бегать за нами с Луной — самая лучшая игра, хотя он был старше нас. Однако ему все равно нравилось играть с нами обеими или, скорее, дразнить.

Обычно родители ругали меня с сестрой за разбросанные игрушки, но я никогда не понимала почему, мы ведь потом снова будем играть, снова достанем их из коробок, но сейчас, когда я наступила на несколько мягких игрушек ногой, а те проскользили по темному паркету, тут же поняла, почему мама с папой каждый раз заставляли убирать их.

Я издала громкий крик, когда упала чуть ли не носом в пол, успев подставить сразу обе руки перед лицом, но, на-

верное, оцарапав колени и ладони, либо просто ушибив их, потому что боль отразилась так сильно во всем теле, что казалось, никогда не болело везде и сразу таким образом.

— Селин!

Джан вбежал в гостиную, сначала задержавшись в дверях, а потом кинулся ко мне, чтобы помочь встать. Я хотела обвинить в своем падении брата, хотела закричать на него, что именно из-за его догонялок сейчас валялась на полу с разбитыми коленями и руками, но из глаз лишь текли слезы, а голос будто пропал.

— Я помогу тебе встать, давай же.

Джан стал поднимать мое тело, обхватывая обеими руками. Он был сильным не по годам, поэтому легко поднял меня, мимолетно осмотрев повреждения.

— Ничего страшного, Селя.

Только он мог звать меня Селя, хотя мне больше нравилось полное имя, но я простила Джану эту оплошность.

— Отнесем тебя к Рамо, он-то знает, что делать, — легонько улыбнулся брат, и я стала вытирать слезы со щек.

Пока мы шли через коридоры, чтобы найти Рамо, я смотрела по сторонам в поиске Луны, но нигде не могла найти ее. Она часто хитрила — делала вид, что играла в догонялки, а сама потом пряталась, чтобы никто ее не трогал, — сестренка любила побыть в одиночестве в отличие от меня — я, наоборот, любила быть в центре внимания.

— Где же чертов Рамо? — ругнулся Джан, и мы тут же натолкнулись на папу, который скривил губы, наверное, услышав слова, что вылетели изо рта племянника.

— Джан, следи за языком, когда играешь в няньку с моими дочерьми, — почти что пригрозил папа, после стал оглядывать меня. — Что случилось? — теперь в его голосе прозвучало беспокойство.

— Мы играли в салочки, и Селин споткнулась о свои разбросанные игрушки.

Я недовольно выдохнула и сложила руки на груди, потому что Джан буквально выдал меня, но он поступал так слишком часто — рассказывал правду, и этим отличался от многих из нас, в особенности от своего старшего брата — Ийгита.

Через несколько минут папа забрал меня из рук Джана и понес вниз на кухню, чтобы там обработать небольшие царапины на коленях. В руках папы всегда было тепло и безопасно, поэтому я расслабилась, а он даже не ругал меня за разбросанные игрушки, только крепче прижал к себе, когда стал опускаться на стул возле барной стойки, предварительно достав аптечку.

— Теперь, может, задумаешься над тем, что мы с мамой не просто так ругаем вас с Луной за разбросанные игрушки? — все-таки спросил папа и вылил небольшое количество перекиси водорода на ватный диск, после чего приложил к одной коленке, отчего я зажмурила глаза и стиснула зубы.

Когда боль под успокоилась, я расслабилась и сказала:

— Но Луна ведь тоже разбрасывает там свои игрушки, — это было больше бурчание. — Почему я должна убираться за двоих?

Папа приложил ватку к другой коленке, но я уже не так напрягалась — терпела, следя за руками папы.

— Потому что Луна твоя младшая сестра, и ты должна помогать ей, и даже когда вы вырастите и, возможно, будете жить в разных домах.

Папа всегда разговаривал со мной как со взрослой, а вот с Луной его голос приобретал более мягкие оттенки, но это никак не обижало меня, наоборот — нравилось.

Как раз в это время в дверях появилась младшая сестра, которая нацепила на ноги кроссовки папы, что были ей в десять раз больше по размеру, но ее это не смущало, поэтому Луна, засунув палец в рот, попыталась снова пройти к нам в кухню, но покачнулась, затем сзади нее появилась мама.

— Прости, но ей очень нужно было надеть твои кроссовки, — проговорила она и стала поддерживать Луну за руку. — Ты упала, Селин? — удивленно спросила мама, когда они с младшей сестрой подошли ближе, а папа как раз закончил обрабатывать царапины.

Я лишь кивнула и снова обняла папу за шею, когда он попытался подняться на ноги.

— Похоже, скоро все мои кроссовки перейдут по наследству, — издал смешок папа, посмотрев вниз на Луну, и та улыбнулась ему.

— Может, хоть гардеробная освободится, — пожала плечами мама, и папа засмеялся громче.

Я любила время, когда мы собирались все вместе, потому что так чувствовала себя любимой и нужной. Бывало, что меня невозможно было отлепить от кого-то, либо, наоборот, поймать, поэтому те, кто проводил со мной время, играя роль няньки, уставали так, что на следующий день избегали моего взгляда, а то и меня вовсе.

За несколько месяцев до...

Настоящее время

Селин

Aksam 19:00 (семь часов вечера). Клуб «Кулу». Стамбул

Мне нужно было выпустить пар, потому что даже сегодня из головы не выходила ссора с одноклассницей и с родителями, которые потом решили заявить о том, что если я и дальше продолжу ночные — и не только — похождения, то лишусь свободной жизни. Что это значило? Значило, что должна буду выйти замуж. Замуж, черт возьми! Я готова была рассмеяться им в лицо и сказать, что, мол, посмотрите и ответьте себе — и мне заодно — на вопрос: а подхожу ли я на роль примерной жены, которую ожидают все мужчины в мафии? Ответ один — конечно, нет.

Нет, я не говорила о том, что никогда не выйду замуж и что не рожу детей, потому что, смотря на пример родителей, двоюродных братьев, сестер, дядей и тетей понимала, что их пример — самый лучший, но лично я не готова — пока — вступать в союз с кем-то, тем более в брак. Мне нравилась свобода, нравилось, что я могла делать все, что захочу, ну или почти все — в рамках разумного, хотя для кого-то и эти рамки являлись табу, границей, через которые они ни за что не переступят. Что ж, все люди разные.

— Джан, просто бей сильнее! — буквально прокричала я со злостью в голосе и кинулась на него с кулаками.

— Ты знаешь, что я не хочу делать тебе больно, Селя, — помотал он в отрицательном жесте головой и выставил руки вперед, закрывая ими лицо, в которое я целилась.

Раз он не хотел делать мне больно, я сама сделаю и себе, и ему. Правда, насчет него вообще не уверена, потому что Джан был сильным, накаченным, высоким, да и в принципе мужчины в нашей семье привыкли к боли, потому что то и дело приходили с ссадинами, синяками, ушибами, огнестрельными ранениями. Помню, как по началу меня это пугало. Помню, как папа пришел весь в крови. Они тогда с мамой думали, что я и Луна спали, но нам по какой-то причине не спалось, и мы, услышав, шепот, решили подглядеть,

выйдя из своих комнат, но я тут же закрыла глаза младшей сестре ладонью, когда увидела, насколько сильно руки папы перепачканы кровью.

— Серхат, Боже, больше не приходи в наше крыло в таком виде! — грозно сказала мама и повернулась в нашу сторону: она заметила нас с Луной.

— Ну и чего вы тут делаете?

Папа тоже повернул к нам голову и спрятал кровавые руки в полотенце, что дала ему мама.

— Это просто краска, куколки, — попытался оправдаться папа, но если Луну еще можно было обмануть, то меня — нет.

Кажется, именно с того дня я поняла, в какой семье родилась. До того момента я слышала лишь отрывки некоторых разговоров: что-то о мести, возмездии и тому подобное, но детский мозг пытался обернуть это все в какую-то игру, явно чтобы не травмировать психику.

Я подбежала в очередной раз к Джану и замахнулась рукой, чтобы ударить его в лицо, но он ловко перехватил ее, повернул меня к себе спиной и заломал руку, отчего я со-

гнулась пополам.

— Хватит, хватит! — предупредила я, когда почувствовала боль в плече.

— Медленно, Селя, — отпустил меня Джан и спокойно сказал, будто это и правда могло повлиять на мою скорость. — И ты делаешь слишком очевидные шаги. Попытайся обмануть. Сделай шаг вправо, но пойдй налево. Замахнись в лицо, но ударь в живот. Поняла?

Я снова повернулась к нему и приготовилась к очередной драке. Раньше со мной занималась мама, потому что она любила драться. Она рассказывала, как тренировалась с нашим папой, но сейчас они занимались в домашнем спорт-зале, редко приходя сюда, но если я просила ее позаниматься со мной в Кулу, она с удовольствием соглашалась. Однако сейчас чаще всего Джан занимался со мной и Луной, потому что тоже любил драться, и, когда мы с сестрой были маленькими, часто приходил с фингалами под глазами. Луна же не частый гость в клубе. Ей вообще чуждо насилие, но это больше связано с религией. Она не понимала, как можно верить в Аллаха и убивать, причиняя боль другим.

— Куда ты смотришь, Джан? — спросила я, когда заметила, что он косил взгляд в сторону. — Я же могу с легко-

стью сбить тебя с ног в таком случае, — ехидно улыбнулась я и стала отходить назад к противоположной стене, чтобы с разбегу наброситься на брата.

Когда я оттолкнулась от мягких матов, приблизилась к нему, чтобы в очередной раз накинуться на него, но он быстро перевел взгляд на меня и улыбнулся злобной ухмылкой. Черт, мне никогда не победить его!

— Да поддайся ты мне уже, Джан! — прогремел мой голос, когда брат поставил блок руками, затем схватил мою ногу, которой я хотела ударить его в бок. — Ой! — это прозвучало громче, чем я планировала, но мое падение было слишком неожиданным.

— Селя, Селя, — помотал головой брат. — Если я буду поддаваться, ты никогда не научишься драться и побеждать более сильного соперника.

Джан протянул мне руку, чтобы помочь подняться, но я оттолкнула ее и поднялась на ноги самостоятельно, фыркнув на него и отойдя в угол ринга, чтобы выпить воды. Пока я тянулась за бутылкой, взгляд зацепился за солдата Семьи, которого я видела сегодня в мечети. Вообще я уже давно знала всех, кто ходил в мечеть, но именно сегодня буквально всем телом ощутила взгляд на себе, что мне не понравилось, и я

обернулась, чтобы сверкнуть глазами, мол, чего тебе надо? А теперь он здесь, тренировался возле груши, но... не хотела хвастаться — его удар поставлен плохо, будто он бил не той рукой.

— Я скоро подойду, — кинула я Джану, и он косо посмотрел на меня, но отошел к своему углу и взял телефон, что-то печатая в нем.

Я даже не знала имени солдата, да и зачем мне нужна эта информация? Как женщине в мафии среди сильных мужчин не нужно было знать всех людей и членов Семьи, потому что об этом заботились другие, хотя Ийгит часто забывал имена, да и лица тоже, но на такие случаи у него был лучший советник — Рамо.

— Прости, но ты уверен, что твоя правая рука сильнее, чем левая? — задала вопрос я, когда остановилась сбоку от солдата. — Кажется, что тебе не совсем удобно бить правой, да и удар кривой.

После моих слов он перевел взгляд на меня и остановился, выпрямляясь.

— Прощаю, но неплохо было бы представиться для начала, — серьезно произнес он, и я выгнула бровь, мол, ты ни-

чего не попутал? После моей реакции солдат рассмеялся и продолжил: — Селин Аслан, не так ли?

Почему из его рта мое имя звучало как-то по-особенному? Но в голосе промелькнули нотки раздражения, будто я или моя семья не очень-то ему нравились. А мы кому-то вообще нравились по-настоящему?

— Верно, а твое имя? Я, конечно, видела тебя в мечети и здесь, в клубе, но до этого дня как-то не обращала внимания, — возможно, голос звучал слишком высокомерно, а моя поза: сложенные руки под грудью, расставленные ноги, будто я собралась боксировать — говорила о том, что я не особо-то и желала общаться с ним, тем более узнавать имя. А зачем тогда вообще решила подойти и дать совет?

— Эмир Кылыч, — ответил он, и в памяти начали всплывать разговоры Ийгита и Рамо о новом Аги.

— Твой брат ага семьи Кылыч ? — поинтересовалась я, чтобы понять ошиблась ли в своих предположениях или нет.

— Да, — подтвердил Эмир. — Так что насчет моих ударов и руки?

— Ощущение такое, будто ты левша, но зачем-то пыта-

ешься бить правой рукой, от этого удар не такой сильный, да и вообще неправильный, — снова повторила я и встала напротив другой груши, висящей рядом.

Я встала в правильную стойку, которой научила меня мама: расставила ноги подальше друг от друга, затем наклонилась левой стороной тела к груше и подняла пятку правой ноги, стоящей сзади, согнула ноги в коленях и подняла руки к лицу, сгибая в локтях, после чего прицелилась и ударила по груше: резко и быстро, отчего груша покачнулась.

— Я делаю все то же самое, — сказал Эмир, когда я перевела взгляд на него.

— Попробуй левой рукой, — пожала плечами я и отошла от груши, чувствуя, как в спину кто-то смотрел; обернувшись, поняла, что Джан прожигал меня взглядом, явно не понимая, какого черта происходило. — Ты ведь левша? Я права? — почему-то не успокаивалась я, хотя пора бы прекратить этот бессмысленный разговор. Помогла, посоветовала — хватит.

— Верно, я левша, — подтвердил он. — Но отец пытался переучить меня, поэтому я до сих пор следую его совету или, скорее, указанию, — Эмир усмехнулся, но теперь поменял позу, чтобы попробовать побить грушу левой рукой.

Джан вдруг позвал меня, чуть ли не крича на все помещение, отчего солдаты обернулись сначала на него, потом — на меня. Я закатила глаза, потому что не хотела такого внимания к себе, хоть и любила его, а теперь все отвлеклись от тренировок, смотря только мне вслед.

— Спасибо, Селин! — прокричал Эмир после того, как ударил пару раз грушу, а я уже ушла, чтобы не раздражать Джана, который, видимо, слишком нервничал из-за того, что я общалась с солдатом семь Кылыч.

Я лишь обернулась и подмигнула. Как таковой моей помощи и не было, потому что Эмир и сам, вероятно, знал, что левая рука была сильнее и лучше, но он просто хотел следовать советам отца, поэтому и пытался разработать правую. Только зачем переучивать? Может, у них какие-то свои устои в семье?

— Джан, что не так? Не нужно кричать на весь клуб мое имя, — немного раздраженно сказала я, когда поднялась на ринг, а брат встал со своего места, готовясь к очередному бою.

— Он пялился на тебя, — Джан кинул пренебрежительный взгляд в сторону, видимо, на Эмира. — Когда только

зашел внутрь клуба, — уточнил он.

— Они все пелятся на меня, забыл? — издала смешок я и подняла руки к лицу, готовясь к ударам.

— Этот пелялся слишком нагло и долго, — сказал Джан и размял шею.

— Следи лучше за сворой девушек, которые бегают за тобой, — хитро улыбнулась я и подала тело вперед, чтобы первой ударить, но Джан вовремя отскочил, после чего резко развернулся и занес ногу над моей головой, но я смогла поставить блок с помощью локтей, что спасло меня, хотя брат никогда не наносил слишком болезненные и сильные удары.

— Я жду ту самую, поэтому мне плевать на них, — внешне признался брат, и я скептически приподняла бровь, отвлекаясь от удара, и получила кулаком в живот, отчего издала «ай» и согнулась. — Черт, прости, Сел, — заволновался Джан и подбежал ко мне, чтобы проверить мое состояние, но я резко выпрямилась и схватила его за руку, затем заломала ее. — Хитрая! — засмеялся, но не стал вырываться.

— Ну же, расскажи мне о той самой, братец.

Он не часто делился откровениями, поэтому для меня

сейчас эта новость стала открытием. Джан хорошо общался практически со всеми из нашей семьи, но... с Ийгитом, его старшим братом, были натянутые отношения. Я точно не знала причину этому, но папа как-то проговорился, что все дело в детстве.

— Ты еще маленькая для таких рассказов, Селя, — сказал Джан, когда я отпустила его и отошла на два шага назад, чтобы, в случае чего, тут же отбить удар — мы оба были хитры в драке.

— Предлагаю сделку.

Я опустила руки вдоль тела и склонила голову вбок. Джан вопросительно посмотрел на меня.

— Когда мне стукнет восемнадцать, ты рассказываешь о той самой, а я... — сделав паузу, прищурила глаза, думая, что могла дать взамен, — ...расскажу о своем том самом, м? Ну или можешь попросить, о чем угодно, — весело отозвалась я.

Джан пару минут стоял и размышлял, пялясь куда-то в потолок, затем кивнул и сказал «заметано».

Прошлое. Эмиру 15 лет

Я не любил насилие. Даже живя в таком мире как наш — все равно презирал. Конечно, это было связано еще с тем, что мы ходили в мечеть и молились Аллаху о прощении своих грехов. Однако ненависть к насилию не распространялась на людей, причинившим боль мне или моей семье. Таких, как правило, мой брат с удовольствием мог пытаться и убивать, ведь они — враги, они — напали на нас и нашего Агу, задев его честь.

Год назад я прошел посвящение в мафию, поэтому являлся полноправным ее членом, но в пятнадцать лет мало, чем мог помочь, да и сильного желания не было участвовать в разборках, когда мой брат делал всю работу, буквально за отца и меня, но ему нужно было доказать нашему Патрону, что он стоил того, чтобы стать Агой.

Сегодня что-то изменилось. Левент пришел домой взбешенный, хотя его часто можно было увидеть в плохом настроении, да и он легко воспламенялся, как будто на него кто-то лил жидкость для розжига, затем тут же подносил спичку с огнем.

— Что происходит, Лев?

Брату не нравилось его сокращенное имя, но маме было

как-то все равно, поэтому Левент почти перестал обращать на это внимание.

Я стоял возле входа в гостиную и подглядывал за братом и мамой, а потом из кухни появился отец, который нахмурил брови, видя, насколько кривилось лицо сына.

— Ты знал, что в детском доме ужасно обходятся с детьми? — неожиданно спросил Левент.

Я думал, что речь пойдет о работе, думал, что что-то не так с деньгами, которые они должны передать Патрону от доходов казино и клубов, но... детский дом?

— Какое это отношение это имеет к Семье, Левент? — серьезно спросил папа, сложив руки на груди.

— Прямое! — почти что грозно ответил брат и стал расхаживать по комнате туда-суда. — Он находится на территории Семьи, а там происходит... — Левент осекся. — Нужно поговорить с Кемалем о том, чтобы он лично разобрался с людьми, которые работают в нем, нужно показать ему, что на нашей территории не должно такого быть!

Брат был разозлен не на шутку, возможно, его даже пугали те вещи, которые он там увидел.

Спустя пару дней

Левент ворвался в дом и направился в подвал, где мы хранили оружие. Я не стал ничего спрашивать, а просто прошел за ним, смотря на то, как он цеплял на себя ножи и пистолеты. Он делал это резко, быстро и со злостью. За эти пару дней, что прошли после того, как брат сообщил о том, что нужно наведаться в детский дом, Левент то и дело ходил взбешенный и агрессивный, но как бы я не спрашивал, что же скрывалось внутри, никто не отвечал мне.

— Оставайся дома, Эмир, — практически наказал мне Левент, но я хотел, чтобы меня посвящали в дела мафии, ведь я являлся ее частью.

— Возьми меня с собой, Левент.

Я встал напротив него и сжал ладони в кулаки.

— Я должен участвовать в ваших делах, потому что я часть этого мира, прекрати ограждать меня и позволь помочь, — твердо сказал я, смотря в глаза брату, немного приподняв подбородок вверх — рост все еще был меньше, чем у брата, но я надеялся, что вырасту таким же высоким и сильным, как он.

— Тебе не нужно это. Поверь, там не то место, где ты хочешь оказаться. То, что ты убил человека на посвящении, не означает, что можешь смотреть на пытки, тем более — пытать, — Левент положил руку на мое плечо и чуть сжал его.

Он не дождался моего ответа и обошел сбоку, но я схватил брата за руку, почти что стальной хваткой. Мне нравилось, что даже в пятнадцать лет я мог похвастаться мышцами в отличие от многих мальчишек в школе, хотя там и были сыновья солдат.

— Покажи мне! — приказал я, хотя никогда не пользовался тем-самым-голосом, которым обычно разговаривал папа со своими людьми, а теперь и Левент тоже. — Не ограждай меня, иначе потом будет только хуже.

Он выдохнул, поднял взгляд в стену напротив себя, затем медленно кивнул, а я отпустил его руку из хватки.

Aksam 21:00 (девять часов вечера) Детский дом « Mutlu bebek»

По дороге в детский дом Левент практически ничего не объяснил мне. Он лишь перешептывался с одним из солдат, пока вел машину по ночному Стамбулу. Я же даже не

думал о том, что мог увидеть там или что мог сделать, если мне вообще позволят что-либо сделать.

Машина брата остановилась возле двухэтажного бежевого здания, в котором не горел ни один источник света. Левент повернул ключ зажигания, поэтому машина прекратила издавать звуки, и вокруг стало совсем тихо, будто мы находились не в городе, а за ним.

— Это он? — спросил солдат и указал в сторону, где промелькнула тень мужчины.

— Кто же еще, — быстро ответил Левент и приготовился выходить из машины, но перед этим повернулся ко мне. — Ты ждешь здесь.

Хотелось возразить, мол, он взял меня с собой, чтобы я тупо сидел в машине? Но брат тут же осек меня и продолжил:

— Мы должны схватить этого мудака и отвезти в Кулу, именно там начнется веселье.

Другой солдат издал нервный смешок, затем они вышли из машины, оставляя меня одного, смотреть за тем, как они подкрадывались к темной тени, которая и не подозревала о том, что вскоре, скорее всего, умрет.

Гесе 22:00 (десять часов вечера). Клуб «Кулу». Стамбул

Левент вместе с солдатом вели мертвеца — так я обычно их называл, потому что знал, что из подвала Кулу редко кто выходил живым — по коридорам клуба, в котором не было никого, кроме бармена, еще не ушедшего домой. Он не обратил на нас никакого внимания, ведь это было чем-то нормальным — смотреть на то, как кого-то скрученного с темным мешком на голове вели в подвал.

В подвале всегда противно пахло: то ли засохшей кровью, то ли плесенью, но, скорее, и тем, и другим, потому что здесь никто не убирался. Я невольно зажал нос двумя пальцами, когда мы вошли в темную комнатку, в которой спустя несколько секунд зажегся свет, отчего я зажмурился, а как только глаза привыкли к свету, рассмотрел дико улыбающегося Ийгита Аслана. Вероятно, Левент все-таки разговаривал с нашим Патроном и тот разрешил, а может, и сам проверил детский дом на наличие ублюдков в нем, поэтому послал своего сына на пытки. А мне кто-то вообще расскажет о том, что происходит?

Брат усадил незнакомого мужчину на стул и резко снял с его головы темный мешок. От этого он зажмурился, но потом

поднял голову, открыл глаза и осмотрел всех нас, при этом противно улыбаясь.

— Я твою улыбку нахрен вырежу! — прорычал Ийгит и резким движением подлетел к мертвецу, доставая нож из-за спины.

— Мы должны узнать, где дети, которых он или они продали, так что, оставь пока его рот в покое, — спокойнее произнес Левент, хотя это больше было похоже на приказ, а приказывать Ийгиту Аслану мог только его отец, но никак не солдат, даже тот, который в будущем должен стать Агой.

— Побыстрее только.

Ийгит махнул ножом и отошел от мертвеца.

Из дальнейших слов Левента и мужчины, я понял, что из детского дома он и кто-то еще продавали детей. В рабство, черт возьми. В основном, это были девочки.

— Работа в детском доме неблагодарная! — выплюнул сгусток крови мужчина и тут же получил новый удар по лицу, затем — в живот; пока только кулаками, но я чувствовал и видел, как трудно сдерживаться моего брату, а особенно Ийгиту, который уже не мог устоять на месте и крутил в руке

нож с острыми зубчиками по всему лезвию.

— Кто еще, блять, участвует в продаже детей?! И кому вы их продаете?! — прогремел голос Левента, а его рука сжалась вокруг пистолета, что до сих пор лежал в кобуре, пристегнутой к поясу.

Я все это время стоял поодаль и, честно, до того, как узнал о том, что творилось на самом деле в детском доме, спокойно наблюдал за допросом и пытками, однако, узнав, у самого зачесались руки причинить боль мертвецу, но... так ведь не должно быть. Я же верил в Аллаха, я же молился ему, перед тем, как начать завтрак, обед или ужин. С другой стороны, этот человек заслуживал боли...

Не помнил, как Левент вложил в мою руку нож, как подвел меня к мертвецу, что уже не улыбался противно, а его голова практически висела, от этого открывался вид на окровавленную шею: из неглубоких порезов стекала кровь, она текла вниз по его плечам и груди, капая на пол, образуя лужу под стулом, и сейчас я стоял в этой самой луже, сжимая нож.

«Мы продавали их в клубы, либо индивидуальным сутенерам».

«Обычно возраст около тринадцати или четырнадца-

ти. Заказчикам нравится этот возраст, потому что именно в нем можно научить так, как нужно, и всему, что необходимо клиентам».

Продавали, черт возьми, детей!

Слова мертвеца глубоко засели в голову. Я и не знал, что ситуация с детским домом настолько сильно могла повлиять на меня. Я и понятия не имел, что захочу все-таки сделать больно, что занесу нож, что опущу его, а он — вонзится в кожу и рассечет ее. Рука дрогнула — в самом начале, а потом стала твердой.

Настоящее время

Эмир

— Ты готов? — спросил Левент перед тем, как выйти из дома.

— С чего такой вопрос? Я выгляжу не готовым? — я прищурился, глядя на брата, который теперь стоял и проверял оружие на себе.

— Сегодня ты странный, — вдруг ответил брат, и я вопросительно выгнул бровь. — Ладно, надеюсь, тот мудака при-

готовил свои грязные деньги, иначе нам придется выпотрошить из него их.

Наши вечера часто заканчивались таким способом, что под командованием Левента его люди, и я в их числе, шли за деньгами, которые впоследствии мы отдавали Патрону. В основном клубы, казино и мероприятия с уличными гонками отдавали заработанные деньги если не вовремя, то, по крайней мере, в наш приход к ним, но бывали и такие, что просили дать им еще время. Наша работа чем-то была похожа на работу Дева Сезина — сына Ашира Сезина, который теперь вместо отца стал головорезом Семьи, однако Дев делал свою работу в определенных районах, а мы — в своих, в основном выбираясь на главную улицу города — Стамбула, Проспекта независимости, где воздух буквально был пропитан грехами людей, что приезжали в сердце города, оставляя деньги и честь в клубах и казино.

Город султанов или город грехов, так называли Стамбул, как и всегда, сиял во всей красе. На главной улице полно народу. Здесь постоянно ходили люди, в какое время ты бы не приехал — не протолкнуться, не поставить нормально машину, и те, кто знал нас, тут же замечали и начинали перешептываться. Они могли знать Левента из-за его должности капитана, потому что по этой причине он больше остальных приближен к Патрону, а на нас не так часто обращали вни-

мание, однако понимали, что если наша «шайка» появлялась на горизонте, то: либо мы быстро выйдем из казино и зайдем в другое, либо жди беды, и мы выйдем из здания не с мешками денег, а с человеком, у которого этот самый мешок будет надет на голову.

Отель-казино «Лоренте» Стамбул

Им заправлял не самый порядочный и не самый надежный человек, который уже задолжал нам деньги, но Левент по договоренности, конечно же, с Патроном дал ему срок, и этот срок именно сегодня подошел к концу. Ийгит Аслан не отличался терпением, поэтому его сроки довольно короткие. Кажется, Ийгит был даже хуже, чем Кемаль. Не в том плане, что плохой Ага, а в плане агрессии, приказов и тому подобное. Наш Патрон явно кровожаднее своего отца.

— Скажи, что пришли люди Семьи, — кинул брат девушке-администратору, но она и так знала нас, поэтому ее глаза уже при нашем входе в здание округлились, а руки явно затряслись, отчего телефон, который она прижимала к уху, чуть не упал на стол.

Нам не пришлось ждать долго, и девушка, вернувшись, проводила нас в кабинет ее Босса. Как только дверь перед нами открылась, а два охранника отступили, впуская нас

внутри, я сразу понял, что Максимилиан Лоренте ни хрена не готов отдавать деньги. То, в какой откровенной и наглой позе он сидел, говорило за него.

— Левент.

Макс встал из-за стола, чтобы поприветствовать нас в своей манере, хотя брат постоянно повторял ему, что они не друзья и никогда ими не станут, потому что Лоренте гораздо ниже. Он всего лишь пыль под ногами, а мы те, кто может смести эту пыль так, что никто и следа не заметит.

— Разве срок уже вышел? — почти со смешком спросил Максимилиан.

— Не играй со мной, Лоренте! — грозно приказал Левент и сжал ладони в кулаки. — И не строй из себя дурака.

Хотя, по сути, он был тем самым дураком, которому явно нужно было преподать урок, иначе так и будет проигрывать или вкладывать не пойми куда деньги.

— Патрон дал тебе определенный срок, и ты спустил его в унитаз, как я понимаю, потому что на столах не видно мешков с деньгами.

Брат стал подходить на опасное расстояние к Максу, держа одну из рук наготове, чтобы в случае чего тут же вытащить пистолет из кобуры.

— Я вкладываюсь в открытие нового казино, причем в вашем районе, — уточнил тот и достал пачку сигарет из внутреннего кармана пиджака. — Уверяю, вы получите еще больше, когда оно откроется.

Лоренте поджег сигарету, которую зажал между зубов, затем выдохнул дым чуть ли не в лицо Левента.

Чертов мудака думал, что может обыграть Семью, что может устанавливать свои правила, когда мы устанавливаем долбанные правила, но никак не мелкие пешки под ногами.

— Мы не ясно выразились, Максимилиан? — более настойчиво спросил Левент и возвысился над мужчиной, что теперь точно по сравнению с братом походил на мелкую муху, которую стоило уже давно прихлопнуть. — Деньги сейчас же! Ты знаешь, что Патрону не сложно прийти лично за твоей головой и назначить более умного.

А еще более покладистого и пугливого, который вовремя будет отдавать деньги Семье.

— Мы покрываем твоё чертовое казино, мы помогаем тебе с полицией и налогами, мы помогли тебе выжить, когда твой отец умер. Патрон ждет уважения. Патрон ждет благодарности. И... — Левент выхватил сигарету изо рта Макса, бросив ее на навверняка дорогой пол, — ...Патрон ждет денег. Так что выкручивайся как хочешь, но мы не уйдем без зеленых бумажек! Знаешь ведь такие?

Судя по выражению лица, Лоренте не только знал, но и купался в зеленом цвете.

— Конечно, мой Ага, — скрепя зубами, улыбнулся Макс и прошел снова за стол, затем протянул руку к телефону и нажал на кнопку вызова, видимо, своего помощника, который тут же прибежал.

Максимилиан дал ему поручение принести все деньги, что лежали в сейфе. И спустя пару минут гнетущей и напряженной тишины, в кабинет вошли несколько охранников, которые принесли мешки с деньгами. Они поставили их на стол перед их боссом и остались внутри комнаты, становясь в разные углы.

Левент и я подошли к письменному столу и стали открывать мешки, чтобы проверить точно ли там лежали деньги и настоящие ли они. Однако в любом случае, если с ними что-

то будет не так, заявимся уже не мы, а Ийгит со своей агрессией, которая точно не выльется ни во что хорошее.

— А сколько громких слов было, Лоренте, — сказал Левент, когда мы завязали мешки и передали несколько из них двум солдатам, которые стояли за нашими спинами.

— Хорошего вечера, Ага, — когда мы уже отвернулись, произнес Макс, но я снова ощутил эту фальшь, буквально всем телом.

И когда мы только вошли в кабинет, меня будто прошибло током, будто тело знало то, до чего мозг еще не дошел, до чего разум пока не мог догадаться, но тело на каком-то космическом уровне показывало: что-то не так, что-то должно произойти. А сейчас, когда деньги были у нас в руках, и мы спокойно должны были вернуться домой, уже и разум стал кричать о неладном.

И все-таки тело никогда не лгало...

За нашими спинами раздались щелчки. Они напали со спины, как долбаные крысы, несмотря в глаза, потому что на самом деле знали, что мы — правы, что мы — власть, а они — никто.

Глава 3. Разбитое сердце

«Первая любовь — это не всегда навсегда. Но она всегда оставляет шрам.»

— Эрих Мария Ремарк

Прошлое. Селин 13 лет

Он был красивым. Мальчик из школы, который смотрел на меня с любопытством. Я не знала его имени, потому что мы были в разных классах, да и он старше меня на два года, но каждый раз, когда наши взгляды встречались, я улыбалась, как дурочка, а он подмигивал в ответ, находясь при этом в компании друзей.

Когда я стала чаще замечать его взгляды, собиралась в школу гораздо дольше, чем следовало бы, а папа, что возил нас с Луной, нервничал, потому что так мы опаздывали, и ему приходилось ехать слишком быстро, нарушая правила, а мама от этого не приходила в восторге.

Сегодня утром мы почти что опоздали, но папа успел привезти нас за пять минут до начала урока, громко «свистнув» шинами возле входа, отчего на его машину обернулись ученики, которые еще не зашли внутрь здания.

— Селин, перед кем собралась красоваться? — остановил

меня папа, когда я почти вылезла из машины. — В школу так не ходят.

Его глаза прошлись по моему наряду, состоящим из джинсовой юбки выше колен, короткого топа на лямках и джинсовой куртке, на спине которой было нарисовано крутое граффити.

— У нас сегодня день красоты, будет модный показ, — пыталась соврать я, и папа выгнул бровь, явно не доверяя мне. — Луна еще маленькая для такого, — уточнила я, потому что младшая сестра была одета так, будто собралась в церковь с мамой: черная юбка ниже колен, белая футболка, заправленная в нее, а сверху цветастый кардиган, сочетающийся с кроссовками. Луна любила яркие цвета в одежде, и именно из-за них выделялась.

— Ты ведь понимаешь, что я могу спросить об этом учителей? — поинтересовался папа, и я лишь кивнула, вылезая из машины, потому что теперь до начала урока оставалось всего ничего из-за нашего разговора. А Луна уже убежала с подругами из класса внутрь. — Поговорим дома! — напоследок услышала я, когда уже бежала по ступенькам; обернувшись, помахала папе рукой и скрылась за дверью.

Как я и предполагала, мальчик обратил на меня внима-

ние, а я пыталась делать вид, что не смотрела в его сторону и что не замечала его любопытных взглядов. Благо мне было не свойственно краснеть, иначе мое лицо превратилось бы в помидор.

Спустя пару минут, он подошел ко мне, когда я стояла возле стены, ожидая начала очередного урока. Я нервно сглотнула и поджала губы, затем подняла глаза на впереди стоящего мальчика, у которого, оказывается, еще выше рост, чем я предполагала. Теперь я могла разглядеть его лучше: светлые волосы, раскиданные по голове, голубые глаза, в которых горело озорство, красивые губы, что теперь растягивались в улыбке и что-то говорили, но я ничего не слышала, потому что пялилась на него. В мире будто нажали кнопку «слоумо»: я медленно моргала, губы медленно растягивались в дурацкой детской влюбленной улыбке, а голос мальчика звучал сладко, отдаваясь где-то внутри.

— Эй, ты слышишь меня, мелкая?

Его ладонь опустилась на мое плечо, и я вышла из транса. Хотелось ударить себя по лицу, потому что допустила ЭТО.

— Все в порядке, такое часто бывает, — мальчик издал смешок и хитро улыбнулся.

Что бывает? Он о том, что на него все девчонки так реагировали?

— Я просто задумалась, — отмахнулась я, но он явно не поверил, снова усмехнувшись, как бы говоря «ну конечно».

— Прости, не мог ты бы повторить, что сказал до этого? — попросила я и сложила руки под грудью.

— Для тебя, Селин, конечно, — согласился он.

Так он знал мое имя? А знал ли, кто я и из какой семьи? Наверняка. Практически все знали.

— Говорил, что ты часто смотришь в мою сторону, но не решаешься подойти, поэтому решил сделать это за тебя.

— Но ты тоже смотрел на меня все это время, — как факт сказала я и склонила голову набок, а мальчик улыбнулся.

У него была красивая улыбка с ровными белыми зубами. Он выглядел, как принц из сказок, которые мне никогда не нравились, но почему-то этот принц — понравился.

— Я не знаю твоего имени.

Пальцы потянулись к волосам, и я стала накручивать пря-

ди на пальцы. Это называлось флиртом?

— Нико.

Он протянул мне руку, и я, кивнув, вложила ладонь. Его рука была прохладной, но мягкой. Мне и правда казалось, что я влюбилась, как самая последняя дурочка на свете. Нико смотрел на меня сверху вниз, и мне хотелось прижаться к нему, чтобы его руки обняли меня. Но... я и не подозревала, что на самом деле он и его друзья просто любили прикалываться над девчонками.

Через пару дней

Папа все-таки сделал выговор по поводу моего внешнего вида, в котором я появлялась в школе, поэтому сегодня на мне были черные джинсы и голубая водолазка. В такой закрытой одежде я чувствовала себя монашкой, тем более в Стамбуле, где обычно стояла жаркая погода, но папа настоял, чтобы я одевалась скромнее, тем более в тринадцать лет.

Нико ждал меня возле входа в школу, и я подождала, пока папа завел машину и отъехал, прежде чем идти в его сторону.

— Урок через несколько минут, Нико, — пробормотала я, когда поняла, что мы идем не внутрь школы, а на задний

двор, откуда уже все разошлись.

— Ничего страшного, — пожал он плечами и приобнял меня. — Тем более ты — Аслан, тебе ведь все могут простить, не так ли? — Нико склонил голову ко мне и подмигнул.

Я лишь кивнула, но сердце по какой-то причине нервно колотилось в груди, а руки тряслись, однако таким образом тело давало знать об окрыленности, а не о волнении или подозрении о том, что что-то должно случиться.

Мы остановились в той части заднего двора, где никто не мог нас увидеть, и если раньше я мечтала о таком уединении, то сейчас это напрягало.

— Зачем ты меня привел сюда? — откашлявшись, спросила я и чуть отстранилась от Нико.

— Разве не этого ты хотела, Селин?

Он встал напротив меня, а одна из его рук потянулась к моему лицу, чтобы заправить прядь.

Этого? Чего этого? Мне нравился Нико, но я не готова была настолько становится ближе с ним за каких-то несколь-

ко дней, не готова была обжиматься с ним на заднем дворе школы. По крайней мере, не в тринадцать лет. Гормоны, конечно, уже скакали, но не до такой же степени.

— Не бойся, я не сделаю ничего плохого.

Нико склонился надо мной, приподнял подбородок указательным пальцем таким образом, чтобы мои глаза смотрели в его и чтобы мои губы были легкодоступными.

Первый поцелуй? С ним? Звучало красиво, и как будто из сказки. Ведь Нико выглядел совсем как принц, только манеры не похожи на манеры королевских кровей.

Нико почти прикоснулся губами к моим, а я почти закрыла глаза, чтобы насладиться поцелуем и напредставлять себе идеальную дальнейшую жизнь, хотя я никогда не мечтала о свадьбе и детях — хотела свободы. А потом до меня донесся смех, мужской смех. Я открыла глаза, взгляд метнулся в сторону и зацепился за друзей Нико, которые стояли с телефонами и снимали нас.

— Отпусти меня! — прогремел голос, и я стала вырываться из рук Нико. — Прекрати!

Он шарился руками по моему телу, задирая низ водолаз-

ки.

— Это игра, мелкая, просто игра, мы никому не покажем, окей?

Нико схватил мое лицо в обе руки и направил в свою сторону, практически до боли сжав щеки.

— Пошел ты, Нико!

Я толкнула его кулаком в живот, отчего он отпрыгнул. Мне было тринадцать, но я умела драться, могла постоять за себя, и за это стоило благодарить маму с папой.

— Думаешь, одноклассники будут на твоей стороне, когда мы покажем им это видео, Аслан? Они скажут, что ты маленькая шлюшка! — буквально выплюнул Нико слова и оскалился, а его друзья продолжали снимать.

Я показала ему средний палец, отбросила волосы назад и прошла мимо него и его друзей, что продолжали смеяться надо мной.

Внутри все перевернулось. Как только я вошла в школу, где уже прозвенел звонок, сердце остановилось, и я поспешила в раздевалку для девочек, где никого, слава Богу, не

было. Затем оперлась спиной о холодную плитку на стене и сползла вниз, поджимая под себя ноги.

Нико раздавил мои чувства. Играл со мной, как с марионеткой, а я верила ему; верила, что могла по-настоящему нравиться.

Слез в глазах не было, но внутри будто что-то сломалось. Что-то детское и наивное. То, что нужно было беречь, но теперь навсегда исчезло. Нико раздавил это. Нико скомкал меня и выбросил в мусорку.

За несколько месяцев до...

Настоящее время

Селин

После тренировки в клубе я и Джан устало плелись в его машину темно-синего — его любимого — цвета. Нас практически не держали ноги, поэтому, когда мы буквально плюхнулись внутрь машины, скуля от перенапряжения в мышцах, минут пять сидели, откинув головы на подголовники, закрыв глаза. Тишина приятно контрастировала с тем шумом, который под конец занятий давил на уши, поэтому сейчас было время только для нас двоих. Джан первым пошевелился и вставил ключ зажигания, чтобы завести машину. Она, как и

всегда, заревела, и если раньше я вздрагивала, то теперь этот звук лишь вибрировал в ушах, после — успокаивался.

— После таких тренировок у меня нет ни малейшего желания куда-либо идти, — простонала я и уселась поудобнее, застегивая ремень безопасности, когда машина тронулась, а брат повернул руль влево, чтобы выехать с парковки.

— Радуйся, что ты девушка, потому что вам не нужно решать серьезные мафиозные дела, — зевнул Джан и кинул на меня мимолетный взгляд.

С одной стороны, я и правда была рада этому. С другой — в Семье хоть и не относились к женщинам, как к расходному материалу и как к средству для удовлетворения своих потребностей, по крайней мере, со своими женщинами, которых мужчины выбирали в жены, но все же чувствовалась эта разница — присутствовала доля сексизма.

Мы приехали в дом довольно быстро, несмотря на то, что Джан не гнал. Он никогда не ездил быстро, никогда не подвергал нас с Луной опасности. Возможно, так было только с нами — не знала, как он ездил, когда был наедине с собой, во всяком случае радовало то, что так проявлялась его забота. Бывало, я размышляла, как он мог быть братом сумасшедшего Ййгита? Настолько сильно Джан отличался от него, да

и от своего отца — тоже. Скорее всего, гены Нисан взяли верх.

На пороге особняка нас никто не встретил, поэтому мы разошлись по сторонам, направляясь в свои укромные уголки, чтобы наконец-то отдохнуть. Однако мне нужно было выведать кое-что у Луны. И это касалось ее поведения при моем разговоре с папой и мамой, хоть он и был вчера, но у меня не было настроения ни в тот день, ни сегодня с утра и днем разговаривать об этом, а теперь, после тренировки — вполне.

У нас с Луной были отдельные комнаты, но находились напротив друг друга, поэтому, сначала зайдя в свою, кинула сумку со спортивной одеждой на пол, после, постучав и услышав, что можно входить, зашла внутрь комнаты сестры, которая сидела перед круговой лампой и телефоном, стоящем на штативе. Луна увлекалась макияжем, а еще любила делиться с подписчиками в инстаграм разными уходовыми средствами для лица, поэтому ее часто можно было застать за снятием нового контента.

— Долго же вы пропадали с Джаном, — лишь сказала Луна, даже не повернувшись в мою сторону.

— Потеряли счет времени.

Я пожала плечами и уселась в небольшое мягкое кресло, закинув ногу на ногу и расшнуровывая кроссовки.

Луна, наконец, отвлеклась и повернулась с помощью кресла ко мне лицом, улыбнувшись во все тридцать два зуба. Боже, моя сестра божий одуванчик, и мне уже страшно за нее. Она кажется слишком наивной, доброй и нежной. Я боялась, что ее сердце окажется слишком хрупким для нашего жестокого мира.

— Луна, — начала я, сделав голос серьезнее, а сестра вопросительно взглянула на меня, поправляя выбившиеся кудрявые пряди у лица. — Почему ты не заступилась за меня вчера? — я понимала, что это не настолько серьезно, но отчего-то этот груз упал на плечи, ведь сестра ушла, оставив меня на съедение волкам — даже если они мама и папа.

— В каком смысле, Селин? — непонимающе задала вопрос Луна и поджала под себя одну ногу, наваливаясь боком на спинку кресла.

— Ты просто сидела и слушала, как меня отчитывают, хотя могла бы заступиться за старшую сестру, — я взмахнула руками и помотала головой. — Могла бы сказать, что они, — имела в виду наших родителей, — сами дали нам свободу, а теперь жалуются и грозятся... О! Так ты даже не в курсе!

Ты же ушла! — с еще большим раздражением воскликнула я, даже не подозревая, что поведение сестры на самом деле повлияло именно таким образом. — Папа сказал, что выдаст меня замуж, если я буду продолжать вести разгульный образ жизни! — Луна вытаращила глаза, а я закивала, мол, да, ты не верила, что они могут так поступить, ведь всегда говорили, что эта сторона жизни мафии обойдет нас, но нет...

— Тогда просто перестань заниматься этой...

— Чем, сестренка?

Луна не могла произнести плохого слова, и это часто подбешивало.

— Херней, хотела сказать? — она утвердительно кивнула, а я закатила глаза.

— Серьезно, Селин.

Сестра поднялась с кресла и теперь села рядом со мной, положив руку мне на плечи.

— Родители могут сделать все, чтобы ограничить тебя, или ты не веришь этому? Думаю, тебя может посадить под замок и сам Ийгит, только попроси его, — Луна издала сме-

шок, а я скептически выгнула бровь, глядя на нее из-под ресниц. — Зачем тебе тусоваться по ночам? Зачем искать приключения на задницу?

О Боже, Луна сказала «задница»!

— Да, я не такая тихоня, как ты думаешь, — она загадочно улыбнулась, когда поняла, что я пришла в некий шок после того слова. — Так что насчет ответов на мои вопросы? — Луна склонила голову чуть вперед, чтобы взглянуть в мое лицо и, возможно, понять эмоции.

— Потому что я знаю, что потом, когда выйду замуж, меня запрут в долбанной клетке, чтобы на меня никто не смотрел, чтобы я рожала детей и обхаживала мужа, понимаешь? Да и вообще, кто сказал, что мужчина полюбит меня по-настоящему? — выпалила я и прижалась к сестре, опустив на ее плечо голову.

С Луной всегда было спокойно, хоть мы и могли ругаться, но от нее исходила невероятная аура. Она как солнышко, что светило даже ночью; как цветок, который не засыхал и не опадал, а с каждым днем становился только лучше и лучше.

— Ты говоришь глупости, сестренка.

Ее рука стала массировать кожу головы, и я готова была прямо сейчас провалиться в сон.

— Сейчас никто не отдает тебя замуж насильно, поэтому можешь влюбиться, можешь полюбить, а если продолжишь гулянки, то, вероятно, все будет так, как ты и сказала — никакой настоящей любви.

Я ничего не стала отвечать сестре, а просто несколько минут обнималась с ней, слушая биение сердца. Где-то на фоне все еще играла музыка, вероятно, под которую Луна записывала видео до того, как я нарушила ее спокойствие, а потом дверь в комнату внезапно раскрылась, и на пороге появился кудрявый рыжеволосый Роман. Мы с Луной обомлели и тут же вскочили с кресла, подбегая к нему.

— Как ты здесь оказался? — восторженно спросила сестра, обнимая Романа.

Его родители, Динара и Миран, чаще проводили время на гонках и в России, изредка заглядывая к нам, а Роман катался с ними, потому что перенял любовь к такой жизни и, соответственно, гонкам.

— Сюрприз! — отозвался он и обнял нас обеих.

Я потрепала брата по его кудряшкам, которым явно нужна была помощь в укладке, потому что они торчали в разные стороны, но в этом, уверена, может помочь Луна: она у нас профессионал и в макияже, и в волосах.

Затем мы с сестрой оторвались от Романа, чтобы забросать его вопросами, но он опередил нас:

— Родители вернулись в Стамбул, чтобы участвовать в гонке, хотя изначально говорили, что проводить ее не будут, поэтому мы здесь, — объяснил он, опираясь о дверной косяк плечом. — И главная новость в том, что я буду организатором, — Роман приподнял подбородок, чтобы выглядеть более величественно, хотя он и так возвышался над нами.

— Здорово! Ты возьмешь меня с собой? — воскликнула Луна. — Хочу посмотреть на крутые тачки!

Роман усмехнулся с ее слов, но кивнул, давая знать, что возьмет.

— Только нужно спросить у ваших родителей, вдруг они против, — пожал плечами брат.

— Даже если они будут против, Луна уговорит их, сделав милые глазки, — писклявым голоском сказала я, и мы все

вместе посмеялись.

Через несколько минут мы устроились в гостиной, не наблюдая никого из взрослых, что было странно, но не придали этому значения, поэтому стали болтать с Романом, расспрашивая его про Россию и родственников Динары. Брат любил издеваться над нами, произнося некоторые слова по-русски, а мы, ни черта не понимая, просили его объяснить или научить говорить на русском языке.

— До-о-брый ве-е-чер, — протянул Роман на русском, и мы с Луной стали пытаться извернуть язык, но выходило плохо, и брат смеялся над нами.

— Стойте, стойте! — остановила нас Луна. — Я хочу еще попробовать, — сказала сестра и, откашлявшись, продолжила: — Добры-ый вечар.

Роман только еще сильнее рассмеялся, хватаясь за живот и откидываясь всем телом на спинку дивана.

— Ладно, у тебя получается лучше, чем у Селин, — успокоил он Луну, и та мягко улыбнулась; я же пихнула брата в плечо.

Не то чтобы мы хотели выучить русский язык, нам просто

было весело так проводить время, дурачась и ни о чем не думая.

Однако наше веселье продолжилось недолго, потому что в доме стало слишком шумно, как будто бы кто-то быстро бежал по лестнице, топая кроссовками. Мы переглянулись между собой и решили спуститься вниз, из нашего с Луной и родителями крыла.

— Черт возьми, я знал, что этот ублюдок что-то выдаст!
— кричал Ийгит и бил грушу.

Папа суетился вместе с братьями, поправляя на себе оружие и надевая куртку. Мама вместе с нашими тетями нервно стояли в стороне.

— Что происходит? — спросила я, когда окончательно спустилась с лестницы и встала сбоку от папы, который не замечал нас с сестрой и Романом. — Папа?

Я схватила его за предплечье и только тогда он повернул ко мне голову, встречаясь глазами; на его лице не было страха, но волнение точно присутствовало.

— Один из наших людей отправился за деньгами в казино, но на них напали, — быстро сказал папа и посмотрел на

Ийгита, который был разозлен, как самый опасный зверь на планете. — Просто будьте дома, о вас позаботятся ваши дяди, — последнее, что сказал он и ушел в коридор, что вел к выходу.

Я не понимала, где остальные. Оглядывала комнату в поиске Джана, с которым мы вернулись совсем недавно из клуба, а потом заметила Нисан, которая тупо смотрела в стену, стоя дальше от остальных. На ней не было лица, а ее плечи едва заметно дрожали. Когда Кемаль подошел к ней, она лишь оттолкнула его, что-то раздраженно сказав, и тот оставил ее в покое, уйдя за папой.

— Где Джан? — сглотнув ком в горле, спросила я, подойдя к тете Каре; она всегда была в курсе всех дел, ну или почти всех, по крайней мере, могла выведать у своего мужа — Альпа.

Она подняла на меня темные глаза, затем перевела их за мою спину, и я поняла, что за мной стояла Луна, нервно теребя платье пальцами.

— Он уехал с ними.

Что? Я нахмурилась. Джан же только что был здесь, рядом со мной, с нами. Как он мог так быстро исчезнуть? Когда Ага

успел забрать его? И вообще зачем? Разве Джан участвует в таких делах Семьи?

— С Левентом Кылычем? — уточнила я, и Кара кивнула.

Я повернула голову к сестре и встретила с ее беспокойным взглядом. Теперь все вставало на свои места: почему Нисан так нервничала и была зла на Кемаля; видимо, тот решил их сыну поехать, чтобы набраться опыта.

На них напали.

Черт, Джан, зачем ты ввязался в это?

Прошлое. Эмиру 17 лет

Она была красивой, прилежной, верующей, с мягкими чертами лица, жизнерадостной улыбкой, маленького роста, с прямыми светлыми волосами, спускавшимся волнами по плечам. Однако было одно большое «но» — она не нравилась мне. Никак. Вообще.

Мы каждые выходные встречались в доме ее родителей, а в остальные дни в школе, где она липла ко мне, как надоедливая пиявка.

Марьям. Так ее звали. Она была дочерью одного из солдат Семьи и младше меня на год. Не то чтобы я был против внимания со стороны девушек — а его было достаточно, но точно не такого, как от Марьям. Казалось, что даже остальные девушки перестали обращать на меня внимание, наверняка думая, что Марьям — моя пара. Я даже пытался избегать ее, прятать глаза под солнечными очками, а волосы под капюшонами, но ничего не выходило, потому что она находила и узнавала меня.

Я не был тем, кто мог издеваться над чувствами девушек, кто мог грубо послать, оттолкнуть или высказать дерьмо, поэтому оттащить от себя Марьям было сложной задачей. Конечно, я говорил — и не один раз — о том, что нам не по пути и что мы можем быть только друзьями, хотя я не особо умел дружить с девушками. Для меня они являлись инопланетянами, которых довольно сложно понять.

— Привет, Эмир!

Марьям появилась за моей спиной неожиданно, прогладив ладонью по волосам, отчего я пригнул голову.

— Своди меня на свидание, пожалуйста!

Она уселась напротив меня на скамейку, раздвигая моих

друзей по школе, а они, смотря на мою реакцию, еле сдерживали смешки, прикрывая рты руками. Я дал понять взглядом, чтобы они ушли, иначе никакого разговора не случится. Парни по очереди пожали мои плечи в знак поддержки, опустив руки, и скрылись за углом, направляясь в класс.

Марьям продолжала пялиться на меня, будто я показывал ей что-то интересное или запретное, а потом пересела ко мне на скамейку, закинув ноги на мои колени.

— Марьям, мы не можем быть парой, — спокойно отозвался я и аккуратно сбросил ее ноги со своих, но она придвинулась ближе и теперь ладонью поглаживала мое колено, ведя выше и выше. — Хватит! — резче произнес я, чуть ли не включив тот-самый-голос, что звучал всегда в приказном тоне, и остановил ее руку. — Послушай, — начал я и повернул к ней голову, встречаясь с голубыми глазами, что с интересом разглядывали меня, — ты красивая и обаятельная, но мне не подходишь. Ты мне не нравишься как девушка. Прости, но перестань бегать за мной.

Я поднялся на ноги, собираясь уйти в кабинет, но Марьям схватила меня за руку, потянув на себя.

— Мы ведь даже не пробовали, Эмир! — простонала она, состроив милые глазки, но на меня этот взгляд не действо-

вал; во всяком случае с Марьям. — Я хорошая партия для тебя, разве нет? Наши семьи похожи во взглядах.

— Это не значит, что мы подходим друг другу, — помотал головой я и сбросил ее руку со своей, пытаюсь отойти подальше от девушки. — Забудь меня, Марьям, — последнее, что сказал я и ушел, надеясь, что она не побежит следом.

Настоящее время

Эмир

Если бы не двери кабинета, что начали закрываться за нами, мы, вероятно, словили бы пули в спины, а то и того хуже — в затылки, но люди Лоренте либо слишком поздно среагировали, либо сам Максимилиан поздно отдал приказ о начале стрельбы.

Левент схватил меня за предплечье, отведя в сторону. Мы спрятались за небольшой перегородкой, но она могла в любой момент изжить себя из-за пуль, что попадали в нее, поэтому что я, что брат жались друг другу телами, чтобы остаться в живых. Лев что-то шептал сквозь стиснутые зубы, но я не мог ничего разобрать из-за гула голосов. Я лишь осмотрелся по сторонам и заметил, как другие наши солдаты так же, как и мы прятались и стреляли в ответ.

— У них ведь должны закончиться патроны? — спросил я, повернув голову вбок, чтобы разглядеть одним глазом, что происходило за спиной.

— Уверен, что этот мудака не успокоится, пока не перебьет нас здесь! — прорычал брат и направил пистолет вперед себя, выстрелив два раза. По его взгляду можно было понять, что он попал в человека Макса, да и стрельбы стало меньше. — Нам нужно, чтобы кто-то прикрывал нас, пока мы будем отходить, — сказал Левент, тяжело дыша и оглядывая наших солдат. — Ты и Джан. Справитесь? — предложил он, и я кивнул, доставая телефон из кармана джинсов, чтобы набрать сообщение Джану о решении Аги.

После отправки сообщения, я поднял взгляд и помахал рукой, чтобы Джан, который отстреливался, обратил на меня внимание. Как только человек Лоренте упал от пули, которая попала ему в лоб, Джан снова спрятался и посмотрел в мою сторону, а я показал ему телефон, мол, посмотри в свой.

Отвлекаться на сообщения при таком раскладе событий — то еще дерьмовое дело, но нам нужно было как-то договориться, потому другого выхода я не видел. Получив утвердительное сообщение от Аслан, я сообщил об этом Левенту, а тот привлек внимание остальных солдат, после чего же-

стами показал, что собирался сделать.

— Уходите прямо за нами, не нужно оставаться здесь, просто прикройте наши спины, чтобы мы дошли до более удобной точки, с которой можно поубивать их к чертовой матери. Понял, Эмир? — объяснил брат, хватая меня за плечо; этот жест, честно говоря, немного пугал, будто мы могли и не встретиться больше.

— Все будет в порядке, идите! — прокричал я, потому что, казалось, что выстрелы стали слишком громкими.

Левент с моей стороны и два солдата с другой стороны напротив, стали двигаться вдоль стен, а я и Джан наполовину вылезли из «укрытия», направляя теперь обе руки с двумя пистолетами впереди себя, стреляя почти без разбора, просто чтобы отвлечь, чтобы люди Максимилиана обратили внимание именно на нас.

— Джан! Назад! — прокричал я, когда мудаки стали отходить, понимая, что либо патронов стало слишком мало, либо испугались наших пуль.

Мы стали медленно отходить назад так же, как и до этого наши солдаты с Агой, держа оружие наготове. Секунды превратились в минуты. Минуты — в часы. Казалось, в та-

кие моменты время всегда длилось слишком долго, растягиваясь, будто специально. Сердце бешено колотилось, разгоняя кровь по всему телу. Адреналин затмевал картинку перед глазами, но увеличивал силу, из-за которой именно в момент очередного начала стрельбы, я схватил Джана за ворот куртки, потянув на себя, потому что видел, как пуля грозилась попасть в него, поэтому мое тело закрыло его.

— Черт! — услышал я и только потом понял из-за режущей боли, что пуля попала в меня.

В глазах потемнело не сразу. Я четко видел перед собой брата и солдат, махающих нам руками и стреляющих в врагов. Однако ощущал, как с каждым шагом тело отказывало и слабело. Кажется, Джан и кто-то еще держали меня под руки, а я им кричал что-то наподобие «я в порядке, отвалите от меня», целясь пистолетом куда-то вперед.

Выстрелы прекратились так же быстро, как и начались. Я вдохнул свежий воздух, пытаюсь словить его всей грудью, но не мог дышать, по крайней мере, глубоко; казалось, что еще немного, и я задохнусь от нехватки кислорода.

— Эмир! — услышал я голос Левента когда почувствовал под собой что-то твердое; вероятно, меня положили на землю. — Слышишь меня? — брат легонько ударил меня ладо-

нюю по щеке. — Отвечай же! — еще удар.

— Да слышу я тебя, придурок! — наконец отозвался я, пытаюсь рассмотреть брата впереди себя, но его образ плыл.

— Ругаешься. Значит не все так плохо, — издал смешок Лев. — Не закрывай глаза, Эмир, ладно? Сейчас приедет помощь, слышишь?

Я почувствовал, как кто-то прижал какую-ту ткань к моему животу, но чуть выше той области, куда вошла пуля, вероятно, чтобы хоть на сколько-то минут остановить кровь, но она не остановится. Мысленно уже прощался со всеми, кем дорожил и кого любил, потому что это не то ранение, при котором можно с легкостью сказать о том, что ты выживешь, даже если медики успеют приехать и отвезти в больницу.

— Мы можем и сами довести его, Левент.

Джан появился из неоткуда и стал стягивать с себя водоплазку, после — прижимая к моему телу.

— Он теряет слишком много крови.

Я слышал, как его голос срывался, а брат нервно дышал, все так же пытаюсь остановить кровь. И как только Левент

приказал помочь ему поднять меня, чтобы уложить в машину, я смутно услышал голос Ийгита Аслана, и, судя по всему, он готов был рвать и метать, а у меня перед глазами замаячила светлая голова с длинными волосами. Девушка о чем-то спрашивала и отгоняла Джана с братом, однако говорила им спасибо за то, что сообразили прижать хотя бы элементы своей одежды к открытой ране.

— Просто оставайся в сознании, Эмир бей, хорошо? — девушка говорила быстро, а я чувствовал, как меня куда-то несли.

Я лишь кивал на ее слова и вопросы, но глаза сами по себе закрывались, сознание туманилось окончательно, а голоса и звуки превращались в кашу, которую разум уже не мог разобрать. Темнота мягко поглощала в себя, утаскивая в крепкие объятия, в которых на самом деле было уютно и удобно, отчего разум мог решить, что там ему и место.

— Борись, Эмир! — слышался рядом голос брата, но веки отказывались открываться. — Чертов герой! — последнее, что смог уловить и отключился.

На следующий день

Приборы противно издавали писклявый звук прямо над

ухом. Глаза с трудом открывались, потому что яркий свет, контрастирующий с белыми стенами палаты в больнице, слепил, отчего пришлось несколько раз зажмуриться, проморгаться и только потом окончательно открыть глаза. Зрение не было четким, но всего несколько секунд, а потом удалось рассмотреть небольшую комнату и свое тело, правда скрытое под одеялом, а из рук торчало несколько приборов и трубок. Как только я задышал интенсивнее, в палату влетела медсестра: девушка со светлыми волосами и знакомым голосом, будто я слышал его вчера. Вчера же? Сколько прошло времени?

— Скажете что-нибудь? — спросила она, остановившись возле кровати.

Я попытался подняться, но девушка резко приблизилась ко мне и помотала головой.

— Нет, вам нельзя вставать, и точно не в ближайшие два дня.

— Лучше расскажите, что произошло, — попросил я, но голос был тверд как никогда.

По крайней мере, я чувствовал и ноги, и руки, а значит — не лишился конечностей, и это уже можно считать победой.

— Вам удалили почку, — сказала она, и я нахмурился. — Пуля, к сожалению, попала в нее, но... с одной почкой можно жить практически полноценной жизнью. Нужно лишь придерживаться некоторых правил и диеты, но более ничего страшного или плохого, — успела закончить она, и дверь тут же открылась.

На пороге появился Левент.

Девушка обернулась, и брат кивнул ей, пройдя в палату с пакетом в руках.

— Спасибо, Анора, — поблагодарил Левент, и до меня дошло, почему медсестра казалась такой знакомой.

Анора Аслан — дочь Астра и Лиан Сезин и сестра нового головореза Семьи — Дева Сезина, а еще жена нашего Патрона — Ийгита Аслана. Так это она же вчера приехала к казино?

— Кто просил тебя лезть под пули?

Брат уселся на стул и устало взглянул на меня, кладя пакет на тумбочку рядом с кроватью, чтобы я мог дотянуться до него, наверняка там были какие-нибудь фрукты или что-то

такое, что обычно приносили больным в палаты.

— Это вместо приветствия и спасибо? — хмыкнул я и почувствовал небольшую боль в области живота, отчего нахмурил брови, сведя к переносице.

— Спасибо тебе должен сказать Джан, иначе он бы валялся здесь вместо тебя, либо его душа была бы уже в ином мире, — как-то строго произнес брат, а такой тон голоса не был на него похож, по крайней мере, в обычной жизни, а не когда он надевал маску Аги.

— Я не сильно-то обижусь, если он не поблагодарит. Все-таки Ийгит, скорее, убил бы тебя тоже, если бы с его братом что-то случилось, — пожал я плечами. — Что с людьми Максимилиана? Надеюсь, вы перебили их, — я вопросительно выгнул бровь.

— После того, как тебя подстрелили, я буквально сошел с ума, — Левент издал нервный смешок, и я приподнял уголок губ. — Поэтому, да, мы убили их, ну или тех, кто вылез из конуры, а других и не было, даже сам мудака Лоренте не высунулся, — брат скрипел зубами, ему явно хотелось поскорее схватить Макса и хорошенько отыгаться на нем, но я подозревал, что наш Патрон — первый кандидат на его пытки.

Левент еще немного посидел в палате, рассказывая о жене и сыне, в основном о том, как Мелек всю ночь не спала, потому что волновалась, но для нее это было нормальным состоянием, когда Левент уходил на выполнение своей работы.

После того, как брат ушел, я почувствовал, как меня снова одолевал сон, но не успел прикрыть глаза, дверь палаты снова открылась, а на пороге появилась она.

Селин Аслан стояла в дверях, а ее глаза смотрели четко в мои. Что она здесь делала?

Глава 4. Последствия

«Мы не можем изменить прошлое. Но мы можем выбирать, как жить с ним.»

— Лев Толстой

Прошлое. Селин 13 лет

Прошло два дня с тех пор, как Нико растоптал мои чувства. Я не была точно уверена, что это любовь, потому что казалось, что для такого большого и важного чувства, нужно что-то большее, а не просто «он мне нравится» или «мне нравится его глаза, руки, тело, волосы». Я старалась обращать внимание на маму и папу, которые, бывало, проводили

время без нас с Луной, сидя на диване в гостиной, смотря фильмы. В те моменты они думали, что мы их не видим, но я и сестра любили подглядывать за ними, поэтому часто видели, как папа целовал маму в щеку или в губы, а она улыбалась так влюбленно, будто снова и снова влюблялась в него, и лично мне тоже хотелось такого отношения к себе. А теперь не знала и не понимала, как могла доверять парням. Как могла быть уверенной, что они не такие как Нико? Что они не разобьют сердце и не решат просто поиграть?

Видео, которое сняли друзья Нико появилось в школьном чате сначала моего класса, потом — в других. На нем четко и ясно видно, как Нико зажимает меня в углу и пытается поцеловать, а может, даже поцеловал, по крайней мере, со стороны так кажется, потому что камера снимает с определенного — для меня невыгодного — ракурса. Я даже скачала это видео себе на телефон и зачем-то просматривала его чуть ли не каждый час, параллельно читая комментарии, брошенные в мой адрес. Как и сказал Нико, все считали меня «маленькой шлюшкой».

Эти два дня что в школе, что дома я была тихой, а это совершенно не похоже на меня, поэтому папа и мама заподозрили что-то неладное, но я отнекивалась как могла, оправдывая поведение тем, что скоро контрольные, и я не успевала высыпаться — сижу допоздна с учебниками, на что роди-

тели все равно скептически поднимали брови и переглядывались, наверняка думая, а может, и надеясь, что их дочь, наконец-то, взялась за ум.

На следующий день я переживала сильнее, чем предыдущие, потому что сегодня у нас должен был быть урок физкультуры с классом Нико. Моя привычная одежда, состоявшая из черных лосин и короткого топа, осталась дома в ящике, а на мне был надет спортивный костюм серого цвета, который не подходил по размеру. Я что, теперь стеснялась себя и своего тела из-за грязных рук Нико?

Папа спокойно вел машину, а мы с Луной смотрели в окно, но если у сестры было хорошее настроение и она дрыгала ногами в такт музыке, то я пыталась унять дрожь в пальцах, скрывая их в рукавах свитшота.

— Луна, куколка, осторожнее, — сказал папа, когда заметил, как Луна чуть не упала, вылезая из машины.

— До встречи, папа! — прокричала та и тут же убежала к подругам.

Я же продолжала сидеть в машине и смотреть на вход в школу, будто замороженная. Сердце бешено колотилось, внутри все сжималось, и мне хотелось, чтобы этот день по-

скорее закончился.

— Селин, что происходит?

Папа развернулся ко мне, и наши взгляды встретились.

— Если тебя кто-то обижает, скажи мне, я разберусь с ним или с ней.

В этом я точно не сомневалась, но мне было стыдно признаться, что я чуть ли не поцеловалась с мальчиком; да и разве папа поверит, что я и правда не хотела с ним зажиматься на заднем дворе школы?

— Просто устала, — пожала плечами я и открыла дверь машины, быстро выскакивая из нее.

Папа вышел за мной и притянул к себе, обнимая. Сначала я хотела возразить, потому что некоторые ученики школы все еще были на улице, но потом... поняла, что именно этого мне и не хватало: тепла и любви родителей. Возможно, я требовала слишком многого. Возможно, я была тем ребенком, которому нужно больше внимание, чем другим, но разве это плохо?

— Я люблю тебя, куколка, помнишь? — прошептал папа,

когда присел на корточки передо мной, теперь сжимая руками мои предплечья и смотря в глаза.

— Помню, пап. И я люблю тебя, — улыбнулась я и наклонилась, чтобы дотянуться до его немного колючей щеки и поцеловать.

Я еще раз обняла папу за шею и отстранилась, услышав звонок на урок, после чего быстро побежала по ступенькам, вошла в дверь и сразу же свернула налево, проходя в раздевалку для девочек, но мне переодеваться было не нужно — только снять свитшот. Несколько минут мне понадобилось, чтобы восстановить дыхание и поправить пучок, из которого торчали кудряшки, и чтобы поднять подбородок, выглядя так, будто мне плевать на то, что обо мне говорили.

Учитель физкультуры уже стоял перед учениками моего класса, и я, извинившись, быстро прошмыгнула на свое место между мальчиком и девочкой, которые недовольно фыркнули, когда я их растолкала плечами.

После нескольких минут переключки, мы прошли в центр спортивного зала, чтобы размяться, а инструкторами у нас должны были быть старшие классы, то есть Нико и его дружки теперь специально встали передо мной, нагло улыбаясь и что-то шепча друг другу. Честно, я очень старалась не об-

ращать на них внимание, пока делала упражнения, но в конечном счете не выдержала и показала два средних пальца, а Нико показал язык, просунув его между двух пальцев, поднеся их ко рту, на что и мои одноклассники рассмеялись.

Всю тренировку дальше я игнорировала задиранья и слушки, потому что хотела оставить все на потом, а именно разговор с Нико и его друзьями — я ведь должна постоять за себя? Отмыть репутацию? С другой стороны, они специально сняли меня таким образом, что выставили плохой только меня, но никак не их, поэтому здесь не было моей вины.

Я догнала после урока Нико и толкнула в плечо, отчего тот стукнулся всем левым боком о стену, рядом с которой шел.

— Совсем страх потеряла, мелкая?! — взревел он, и на нас обернулись ученики других классов. Нико повернул весь корпус ко мне, опасно возвышаясь и хмуря брови.

— Удали видео и скажи всем, что я не собиралась целоваться и обжиматься с тобой! Признай, что ты — лжец! — так же громко, как и он, твердо сказала я, тыкая в его грудь пальцем.

Нико как-то странно покосил глаза в сторону, облизнул

губы, затем перевел глаза снова на меня и поднес руку к моему подбородку, а когда я хотела вырваться, лишь крепче схватил его.

— Осторожно, Селин, — почти угрожающе произнес он. — Я поставил тебя и твою семейку на место, — прохрипел Нико. — Знай, каково это, когда тебя унижают.

Он выпустил мой подбородок, но я до сих пор чувствовала его грязные пальцы на нем; казалось, будто остались отпечатки.

О чем он вообще говорил?

— Если тебе что-то сделала моя семья, разбирайся с Патрином, а не со мной! — сузила глаза я и прошипела сквозь зубы — злости не было предела.

Нико издал нервный смешок и засунул руки в карманы.

— Делать больно через дорогих людей гораздо веселее, но ты, мелкая, еще не понимаешь этого. Надеюсь, вскоре усвоишь урок.

Он подмигнул мне и обошел сбоку, удаляясь по коридору, оставляя меня наедине с волками, которые только и ждали

подходящего момента, чтобы съесть с потрохами.

....

После школы я была выжата, как лимон. Совсем не потому, что уроки слишком долго тянулись, а потому, что с самого утра Нико испортил все настроение, которое и так отсутствовало. Двоюродный брат Рамо всю дорогу, что вез нас с Луной из школы, пытался разговорить меня, но я ни в какую не поддавалась, снова оправдывая свое поведение усталостью.

А вот дома ждал «сюрприз» в виде собрания мамы и папы, которые сидели в моей комнате, и как только я вошла в нее, встала в ступор, а они перестали о чем-то разговаривать, теперь обращая все внимание на меня.

— Селин, мы хотели поговорить с тобой, — спокойно начала мама и подошла ко мне, обнимая одной рукой и подводя к кровати, сажая между собой и папой.

— О чем? — поинтересовалась я, а в голове уже перебирала все возможные проколы и плохое поведение, из-за которого учителя снова могли пожаловаться на меня родителям.

— Скажи, тебе нравится какой-то мальчик в школе, не так

ли?

Мама гладила рукой мои волосы, которые я распустила из пучка.

Я пожала плечами и вздохнула.

— Сейчас уже нет, — помотала головой в разные стороны, кинув взгляд сначала на маму, затем — на папу.

Мама хотела что-то сказать, но папа взял телефон, лежащий возле него на кровати с другой стороны, затем разблокировал его, и я сразу поняла, к чему весь этот разговор: на экране воспроизводилось видео с моим участием и Нико, который шарился руками по моему телу. Как же стыдно...

— Пап, это не то, что ты думаешь! — тут же начала я, жестикулируя руками. По глазам папы можно было прочесть, будто он разочарован во мне. — Нико нравится... нравился мне, — поправила я себя, оговорившись, или сказав то, что на самом деле до сих пор чувствовала, — Но он обманул меня... Я не хотела этого, — показала пальцем в телефон. — Я думала, что нравлюсь ему, но его друзья специально сняли нас, а Нико специально завел меня на задний двор школы.

Я чувствовала, как задышалась, как мамины руки обнима-

ли крепче, как гнев папы остывал в отношении меня, но увеличивался в отношении Нико.

— Они обрезали видео, где я вырвалась и показала им средний палец!

По щекам вдруг потекли слезы злости; и я понятия не имела до этого момента, что эта ситуация на самом деле повлияла таким образом.

— Почему ты не рассказала об этом сразу? — спросил папа и убрал телефон в карман джинсовых шорт.

— Боялась, что вы не поверите мне... А еще, что стану стукачкой и слабачкой, которая не может постоять за себя.

Я сжала ладони в кулаки и теперь пялилась в пол, опустив голову так, чтобы волосы прикрывали лицо, и родители обняли меня с двух сторон, но из-за этого тело стало содрогаться лишь сильнее, а слезы быстрее стекали по щекам и подбородку.

— Куколка, мы всегда будем на твоей стороне, слышишь?

Я кивнула.

— Что бы не произошло, что бы ты не натворила, ты — наша дочь, и мы любим тебя.

Я хлюпнула носом, а потом ощутила поцелуи на макушке: сначала с одной стороны — от мамы, потом с другой — от папы.

За несколько месяцев до...

Вернемся на некоторое время назад

Селин

Никто не находил себе места с того времени, как Ийгит с нашими дядями и двоюродными братьями уехали в сердце Стамбула. Кто-то переживал с эмоциями на лице, например, как Нисан: она тупо смотрела в стенку впереди себя, сидя на большом диване, на котором умещалась, если не все наша семья, то половина точно, и закусывала щеки изнутри, ни с кем не разговаривая. Кара пыталась успокоить ее, взбодрить, поднять настроение, говоря, что они все вернутся в целости и сохранности, но, казалось, это действовало плохо, судя по такой же реакции тела, которая оставалась.

Я, Луна и Роман стояли возле барной стойки и пили чай, чтобы согреться хотя бы внутри, потому что снаружи все конечности и все тело превратились в ледышку.

— Не боишься проводить первый раз гонки? — спросила я брата, пытаюсь разговорами отвлечься от гнетущих мыслей.

— Если только немного, но родители уверены, что у меня получится, все-таки я с ними с самого детства катался и видел, как все устроено, — чуть улыбнулся Роман и допил чай, ставя пустую кружку в посудомойку. — А вот ты, Селин, когда начнешь тренировать девушек или даже парней? — поинтересовался брат.

— Сначала надо закончить школу, — бросила я с небольшим раздражением, показывая все свое отношение к данному заведению. — Да и набраться опыта. Сейчас чаще всего занимаюсь с Джаном, он хорош в драках, — объяснила я.

— Набраться опыта? — скептически спросил брат. — Мне кажется, ты дерешься лучше всех вместе взятых девушек Стамбула, за исключением Джеммы, конечно же.

Роман приобнял меня за плечи, и я улыбнулась.

Да, наша с Луной мама и правда хороша, даже папа периодически хвалил ее, когда они тренировались вместе.

— Посмотрим, — пожала плечами я, а потом мы услышали грохот в коридоре, поэтому тут же сорвались с места, но Астр прокричал, чтобы мы оставались на местах, наверняка в целях безопасности, хотя к нам вряд ли могли так просто ворваться во двор.

Я схватила сестру за руку и сглотнула ком в горле, ожидая, когда кто-нибудь из наших зайдет в гостиную. Казалось, что в такие моменты время всегда длилось слишком долго, будто специально замедлялось, чтобы подразнить, чтобы люди нервничали еще сильнее.

Первым в гостиную вошел Джан, и я не смогла сдержать себя так же, как и его мать от того, чтобы практически сбить его с ног, прижавшись к нему с разбегу.

— Все хорошо, эй, все хорошо, — успокаивал брат нас, а я чувствовала, как от него пахло гарью. — Вы сейчас будете все грязные.

Да плевать мне было на это! Главное — мы снова могли обнять его: живого, без видимых ранений.

Луна подскочила к нам и обняла всех нас. На самом деле и подумать не могла, что мы с сестрой, оказывается, так сильно привязаны к Джаном, а теперь, когда почувствовали,

что вот-вот могли потерять его, это осознание резко обрушилось, как снег на голову.

За Джаном вернулись и остальные. Ийгит был не в лучшем своем настроении — если оно вообще у него бывало когда-то хорошим — и не в лучшем состоянии, чтобы показываться перед детьми, однако маленьких детей здесь сейчас не было, поэтому он резко стал расхаживать по комнате, наверняка обдумывая какой-то коварный и кровавый план, потому что, судя по его реакции, ничего-то у него и у нашей семьи не вышло сделать, а именно — достать тех, кто напал на Агу и его солдат.

Вскоре, когда все более-менее успокоились, обнявшись со своими дядями, братьями и мужьями, папа буквально приказал нам вернуться в наше крыло в доме, поэтому я, Луна и мама послушно последовали его совету, но на самом деле хотелось остаться и расспросить, что же все-таки произошло. Однако для этой идеи лично у меня был свой план, а точнее у нас с Джан, поэтому, приняв душ и переодевшись в более удобную одежду — спортивные штаны и свитшот черного цвета, завязав волосы в высокий хвост и надев на ноги массивные кроссовки от Nike, тихо открыла дверь своей комнаты и лишь одними глазами проскользила по коридору и гостиной, вид на которую открывался как раз-таки сейчас из маленькой щелки. Никого не было заметно, поэтому я про-

шмыгнула в коридор, направляясь в крыло Джана, но очень и очень тихо, буквально ползя по стенам дома, как грабитель.

Джан только сейчас ответил на мое сообщение о том, что он не против забраться на крышу и поговорить, а я уже была возле его комнаты, поэтому аккуратно постучала, после услышала шаги в комнате, затем брат появился в дверях, быстро впуская меня внутрь.

— А если бы я ответил — нет? — издал смешок брат и стал натягивать на тело голубой свитер.

— Не ответил бы, потому что ты не можешь отказать мне, — я показала пальцем на свою грудь, — своей любимой двоюродной сестренке, — подняла подбородок выше, как бы показывая важность своей персоны, а Джан лишь рассмеялся.

Я заметила на его теле несколько синяков и ссадин, но они точно не были чем-то опасным для здоровья, да и, наверное, он отделался еще легко, а вот что насчет остальных? Вероятно, было не совсем правильно рассказывать мне о делах мафии, но Джану часто нужно было кому-то выговориться, и в этом, кстати говоря, мы с ним очень похожи. Правда я могла долго держать все в себе, а потом вывалить все и сразу.

— Давай руку, — предложил брат, когда мы стали под-

ниматься по небольшой узкой лестнице, с помощью которой можно было оказаться на крыше дома.

Мы точно не знали, подозревал ли кто-то из нашей семьи, что мы проводили тут вечера — не часто, но все же, — однако даже если и так, никто никогда не проговаривался об этом и не говорил, чтобы мы перестали это делать.

Он помог подняться мне, затем, не выпуская мою руку из своей, аккуратно ступил на шершавую поверхность крыши, а я за ним. Так мы дошли до более пологой поверхности, где и устроились, усевшись на задницы, согнув ноги в коленях.

Ночи в Стамбуле были приятными: не жаркими и не холодными. Наоборот, воздух немного остывал и можно было с легкостью дышать полной грудью, а тот, в свою очередь, успокаивал, наполняя легкие свежестью.

— Что произошло? И вообще зачем ты ввязался в это? — первая спросила я и склонила голову набок, повернув немного в сторону брата.

Джан вглядывался в звездное небо, сложив руки в замок на коленях, но после моего вопроса перевел взгляд на меня.

— Сколько можно тупо драться и не участвовать в делах

Семьи? Я должен быть полезным, разве нет? — задал вопрос Джан, но, казалось, что он был больше риторическим. — Ий-гит разрешил мне поехать с Агой, — пожал плечами брат. — И, честно говоря, не жалею о своем решении. Я неплохо показал себя, выполнял все команды и приказы, как послушная собачонка, — из его груди вырвался нервный смешок, а я придвинулась ближе, чтобы положить голову на сильное плечо. — Правда, если бы не... Как его зовут, ты не знаешь?

— Кого? — задумалась я и нахмурила брови.

— Брата Аги, Левента Кылыча, — уточнил Джан, и в голове тут же всплыл образ мужчины, который бил не той рукой грушу.

— Эмир?

— Точно, Эмир, — Джан поднял руку, как бы показывая, что да, это правильная догадка. — Если бы не Эмир, я бы вместо него валялся на койке в больнице, и меня бы обхаживала Анора, представляешь? — хмыкнул брат и опустил голову на мою, прижимаясь виском.

— Что значит вместо него? — я напряглась от слов Джана, хотя вполне понимала их смысл.

— Он закрыл меня собой, когда пули летели прямо в нас, когда гребаные люди Максимилиана Лоренте хотели пристрелить нас вместе с отданными деньгами, чтобы потом снова забрать их.

Так вот, в чем тут дело.

— Эмир в больнице? — поинтересовалась я, а внутри сердце почему-то забилося быстрее: то ли от осознания, что Джан мог лежать в больнице, то ли от осознания, что Эмир попал в больницу из-за нашей семьи, хоть это и была его работа — выезжать с Агой в определенный район, чтобы забирать деньги для Патрона.

— Кажется, да, он потерял много крови. Думаю, его ждет операция, если она прямо сейчас не идет, — объяснил брат, и я тихо вздохнула.

Мир мафии был чертовски опасным. С одной стороны мы могли купаться в деньгах, ни в чем себе не отказывать, приходить в заведения в наших городах и там нас всегда обслужат наилучшим образом, чуть ли не падая в ноги. С другой же — смерть всегда стояла наготове, чтобы утащить кого-нибудь в свои лапы. И я не знала точно, могла бы отказаться от этой жизни?

На следующий день

Утром, поговорив с родителями, я точно решила, что должна съездить в больницу, где лежал Эмир, чтобы поблагодарить его за спасение Джана, потому что если бы не он, то двоюродный брат точно бы валялся на больничной койке, а может... Не хотела об этом думать, однако тревожные мысли сами лезли в голову.

Со мной должен был поехать Роман, чтобы быть моим телохранителем. Я немного была удивлена, что ему одному уже доверяли защиту, хоть он и был старше меня, но не намного. Пока я собиралась сестра болтала с Романом о предстоящих гонках, которые он будет организовывать. Луна интересовалась, как на самом деле на них все устроено и как можно на них попасть, и на этом вопросе я скептически подняла одну бровь и повернула голову вбок, смотря на сестру, отвлекаясь от макияжа, который наносила, сидя напротив зеркала.

— Что? — перевела взгляд Луна на меня. — Сомневаешься в моих способностях?

— Луна, ты самый тихий человек в этом доме, ты веришь в Бога и хочешь сказать, что готова и можешь участвовать в гонках? — я посмеялась после своих слов, не веря, что сест-

ра и правда спросила об этом Романа.

— Я спрашиваю чисто теоретически, а это не значит, что я хочу участвовать, — пожала плечами Луна. — Мне нравятся крутые тачки, но... гонять, — задумалась она, подняв глаза в потолок, — вряд ли.

— Папа с мамой сойдут с ума, если ты и правда будешь гонять. Они и так вешаются от меня, так что, пожалуйста, будь лучше, чем я, — последнее, что сказала я, уловила кивок сестры и возвратилась к зеркалу, чтобы подкрасить ресницы тушью и уложить волосы, выпрямив их плойкой.

Через двадцать минут мучительного выпрямления волос, с которым мне помогла Луна, мы с Романом вышли из дома и сели в его черную тачку, которая резво выехала со двора, направившись в больницу. Насколько я знала, Анора была там всю ночь и до сих пор не возвращалась, если верить словам Ийгита, но о таком он вряд ли стал бы врать и умалчивать.

Больница всегда встречала неприятным запахом спирта. Как иронично было, что, когда я употребляла крепкий алкоголь, меня совершенно не волновал запах спирта, а тут он буквально врезался в нос, отчего хотелось зажать его двумя пальцами, но я лишь морщилась несколько минут, потом — привыкла. Нам выдали белые халаты, после провели до пала-

ты, из которой вышел, как я поняла, его брат — Левент Кылыч, поэтому безошибочно можно было понять, что именно за той дверью лежал Эмир.

— Селин? — удивленно взглянул он на меня, даже не поздоровавшись. Он выглядел усталым, будто всю ночь не спал. Вероятно, так и было, наверняка ждал, пока его брата прооперируют.

— Я пришла поблагодарить Эмира за то, что он закрыл собой Джана, — уверенно произнесла я и тут же направилась к двери, положив ладонь на блестящую ручку. — Он ведь в сознании? — уточнила я у Левента, и он кивнул, ничего больше не отвечая, лишь рассматривая меня, будто вообще не ожидал, что я могла так поступить. Однако люди часто видели только оболочку, а внутрь — никто не хотел лезть.

Роман уселся напротив двери, предоставляя мне выбор пойти одной в палату, на что я кивнула, затем нажала на ручку, открывая дверь. Как только я оказалась наполовину в палате, наши с Эмиром взгляды тут же встретились, и мне пришлось замереть на месте, будто ток прошиб все тело. Он явно не ожидал увидеть меня, но, скорее всего, понимал, зачем я здесь.

— Привет, Эмир.

Я все же прошла внутрь палаты, осторожно закрыв за собой дверь, и остановилась возле больничной койки. Брат Левента выглядел не лучшим образом. Еще бы, перенести потерю крови, операцию, а теперь несколько дней или недель лежать в больнице совершенно без дела.

— Привет, Селин, — ответил Эмир и глазами указал на стул, стоящий рядом со мной, и я присела, замечая пакет на тумбочке и вспоминая, что тоже думала что-нибудь прикупить.

— Я... хотела поблагодарить тебя за то, что ты закрыл собой Джана, — сказала я, смотря в глаза Эмира, которые внимательно изучали меня. Мне даже хотелось усмехнуться от того, насколько нагло он рассматривал мою персону.

— Не стоит, я лишь хотел уберечь своего товарища, — он пожал плечами, но тут же поморщился, вероятно, от боли. — Думал, что спасу нас обоих, но, как видишь, не очень-то вышло, — губы Эмира растянулись в легкой улыбке.

А он не имел свойства унывать в таких ситуациях.

— Операция прошла успешно? — поинтересовалась я, кивая на бинт, что виднелся из легкого одеяла в области ре-

бер, наверняка спускаясь вниз.

— Если не думать об удаленной почке, то, да, вполне успешно, — усмехнулся Эмир, а мои глаза расширились.

Конечно, я подозревала, что операция была серьезной, хотя бы потому, что нужно было вытащить пулю из раны, но не настолько...

— Анора сказала, что ничего страшного, можно жить, но надо постепенно будет возвращаться к нагрузкам, работе... — объяснил он, жестикулируя руками.

— Если хочешь, могу помочь с восстановлением, например, с тренировками, — предложила я, совершенно не ожидая от самой себя. Зачем я это делала?

— Я вполне мог бы позаниматься сам, но с опытным партнером всегда приятно иметь дело, — и снова улыбка, которая заставила и меня улыбнуться; так искренне и по-настоящему, что я снова удивилась от самой себя. Но еще был приятен и тот факт, что Эмир считал меня опытной, значит, он не из тех, кто принижал женщин в мафии.

— Только теперь будешь бить левой рукой, — поднявшись со стула, наказала я, и мы оба издали смешки, затем

Эмир кивнул и проводил меня взглядом, когда я прошла к входной двери. — Выздоровливай, — кинула быстро я и, не дождавшись ответа, вышла из больничной палаты, заметив, как сердце все то время предательски сжималось.

Прошлое. Эмиру 17 лет

Марьям не появлялась в школе с того дня, когда я в очередной раз сказал ей, что мы не можем быть вместе и что нам точно не по пути, да и пробовать встречаться не буду с ней. Не то чтобы меня это сильно волновало, но, зная то, какими девочки могли быть и как хорошо умели манипулировать нашими чувствами, чтобы добиться своего, внутренности скручивались, будто вскоре должна произойти неприятная ситуация. Однако я всеми силами пытался отогнать тревожные мысли и просто наслаждался очередным днем в школе, болтая с друзьями и их девушками. Кажется, в их компании я один ни с кем не встречался. Многие девчонки в школе засматривались на меня, но я на них в ответ — нет. Да, среди них были красивые, но в них как будто чего-то не хватало или, наоборот, их было слишком много.

По натуре я спокойный и размеренный человек, поэтому вряд ли мне подошла бы такая же девушка. Возможно, мне хотелось, чтобы рядом была та, которая сможет взбесить меня, которая поднимет волосы дыбом на голове, от которой

пойдут мурашки по телу. Я понимал, что такая девушка, скорее, как заноза в заднице, но так, по крайней мере, мы могли дополнять друг друга.

Конечно, моей семье было еще важно и то, чтобы девушка была религиозна. В основном этого хотела мама; отцу же практически плевать, но он часто поддерживал решения своей жены. И Марьям права в одном — мы можем подойти, но лишь в том, что наши семьи похожи в религиозном плане.

В нашем мире было нормально, если ты женился не по любви, но в семьях солдат это встречалось не так часто, потому что нам не обязательно жениться или выходить замуж в определенном возрасте. Однако я все равно переживал, что родители решат найти мне пассию, не обговаривая со мной, хоть я и был младшим в семье.

— Я видел Марьям, — сообщил Марс, обнимая свою девушку с рыжими волосами, а та смеялась с какой-то шутки, сказанной подругой.

Я выгнул бровь в вопросительном жесте, чтобы друг продолжил мысль.

— Она выглядела потрепано. Знаешь, будто не спала несколько ночей. Может, тебе стоит поговорить с ней?

Только этого не хватало.

— Аллах, — резко выдохнул я. — Она точно что-то задумала, я чувствую.

Задница ощущала, как ей давали твердый пинок.

— Просто поговори с ней еще раз, чувак, — отозвался Зейло, выпуская дым изо рта, в очередной раз надеясь, что учителя не застукают его за курением электронной сигареты.

Я поднялся со скамейки, на которой мы сидели, ожидая начала урока, и направился к кабинету, в котором обычно проходил урок математики у класса, где училась Марьям. Спросив у ее одноклассников, не видели ли они ее, никто толком не ответил внятно, и я было уже хотел возвращаться к своему кабинету, но услышал крики, исходящие из спортивного зала.

— Кто-нибудь снимите ее! — закричала девчонка, что была младше меня года на два точно, выбежав из дверей.

Я нахмурился, не понимая, в чем вообще дело, но тут же сорвался с места, направляясь в спортивный зал. Сердце говорило, что именно это и должно было произойти, что вот,

в чем должна быть моя вина, и если я сейчас ничего не сделаю, то буду помнить и жалеть всю оставшуюся жизнь, хотя разум понимал и подсказывал, что это — манипуляция.

— Марьям! — закричал я, когда вошел в двери зала, и увидел, как девушка висела над потолком, а под ней валялся стул. — Ты сума сошла! — сказал я, не понимая зачем, и подхватил ноги Марьям, чтобы приподнять ее, не давая до конца затянуться петле на ее шее. — Да помогите же, чего там встали?! — зло прорычал я на стоявших учеников в дверях, глазающих, а некоторые снимали на телефоны, но это явно был не тот момент, который требовал огласки.

Двое парней все-таки подбежали и поставили два стула по обе стороны от Марьям и меня, чтобы распутать петлю, которую... Да как она вообще завязала ее?

Спустя час

К счастью, Марьям решила повеситься практически в тот же момент, в который я услышал крики других учеников и в который зашел внутрь спортивного зала, поэтому видимых повреждений на ее шее не было, и она быстро восстановилась, но... так казалось только снаружи, а что было внутри? Разбитое сердце? Но, Аллах, чем я заслужил это? Я мягко, как мне казалось, сказал Марьям, что не будет никаких нас.

— Эмир, постой!

Она снова бежала за мной по коридору, но я не обернулся, потому что и так просидел с ней у школьного врача все то время, что она приходила в себя.

— Сходи со мной на свидание, пожалуйста, ну хоть один раз! — проскулила Марьям и встала напротив меня, обходя со стороны.

— Зачем ты манипулируешь мной? — брови свелись к переносице; я хотел сделать грозный вид, чтобы Марьям испугалась меня, но, вероятно, у меня плохо получалось. — Думаешь, если я спас тебя, то между нами что-то есть?

Я наклонился к ней ближе, заглядывая в наглые глаза, которые были красными то ли слез, то ли от полопавшихся капилляров.

— Ты привлекла мое внимание, но это все, Марьям! Прошу, найди себе того, кто будет обращать на тебя внимание не тогда, когда ты грани смерти! — резко, твердо и уверенно произнес я, хотя пытался быть мягким, но получалось как получалось — по-ужасному паршиво.

— Бесчувственный мудака! Если я умру, моя смерть — на твоих руках! — выплюнула она, ткнув всей ладонью мне в грудь, пытаясь оттолкнуть, но ничего не вышло, я стоял столбом, будто вросшим в паркет.

— Сходи к психологу, Марьям, — последнее, что сказал я и двинулся в направлении выхода из школы, потому что хотел подышать свежим воздухом.

Казалось бы, что такого — сходить на одно свидание с девушкой? Но разве это не очевидно, что здесь все работало совершенно по-другому? Там, где одно, будет и два, и три. Девушки так легко умели крутить парнями, что, бывало, становилось страшно, да и неприятно. Однако... кто говорил, что и парни так не умели?

Настоящее время
Спустя две недели

Эмир

Первая неделя после операции проходила ужасно долго и довольно болезненно. Анора не хотела выписывать меня, потому что на фоне операции появилась небольшая простуда с температурой, но в остальном я чувствовал себя хорошо, поэтому буквально умолял ее отпустить домой, обещая, что

не буду без надобности вставать с постели и что мама точно обо мне позаботится, хотя мне было неудобно об этом говорить, потому что я был взрослым мужчиной, который должен бы сам о себе заботиться.

По итогу Анора, посоветовавшись с другими лечащими меня врачами, выписала домой, сопроводив вместе с этим различными бумажками, на которых были написаны рекомендации по дальнейшему лечению, а также диета, которую точно нужно соблюдать, если я хотел дальше нормально прожить с одной почкой.

Вторую неделю я не выдерживал сидеть и лежать, поэтому понемногу выбирался на улицы Стамбула хотя бы для обычных прогулок. Я буквально ощущал тяжесть во всем теле после практически двух недельного лежбища, будто все мышцы в теле забыли, что такое физическая нагрузка.

— Эй, Эмир, ты уже собрался тренироваться? — услышал я голос Левента, когда вышел из ворот дома.

Брат со своей женой и сыном жили неподалеку от нас, поэтому часто заходили в родительский дом, и сейчас они, видимо, направлялись именно сюда. Мелек несла трехлетнего мальчугана на руках, прижимая к груди, а я скептически выгнул бровь, мол, почему Левент не нес его?

— Мигель не хочет отпускать меня, — Мелек поняла мое выражение лица, ответила, пожав плечами, как могла. — Как себя чувствуешь? — поинтересовалась она, когда подошла ближе.

— В норме, нужно возвращаться в строй, — лишь сказал я и потрепал по светлым волосам Мигеля, которые достались ему от мамы.

Я был удивлен не меньше брата, когда мы поняли, что его сын родился со светлыми волосами, потому что оба думали, что гены Кылыч — победят, ведь мы все имели темные волосы.

— Кстати, чуть не забыл, — отозвался Левент и пропустил вперед жену с сыном, чтобы они вошли в ворота. — Мне на телефон сегодня утром пришло сообщение, адресованное тебе, — брат как-то по-странному ухмыльнулся, доставая телефон из кармана джинсов.

Я понятия не имел, кто мог написать мне через брата и зачем? У кого не было моего номера, но понадобился именно я? В голову приходила только одна персона...

— Итак, я зачитаю, если ты не против.

Я взмахнул рукой, мол, валяй.

— Доброе утро, Левент. Пишу на твой номер, потому что у Ийгита есть только он, а мне нужно связаться с твоим братом, так как я обещала ему, что помогу с восстановлением. Не мог бы ты передать ему мой номер, чтобы он написал мне? Заранее благодарю, Селин Аслан.

А она не забывает напоминать, кем является, а? — издал смешок Левент и протянул мне свой телефон, чтобы я записал номер Селин. — Она и правда решила помочь тебе? — недоверчиво посмотрел на меня брат и сложил руки на груди, ожидая, пока я запишу номер.

— Это за то, что я прикрыл Джана, поэтому ничего такого, ничего большего, — как только записал номер в контакты и отдал телефон Левенту, объяснил я. — Поверь, она успокоится, как только поймет, что выполнила свой долг, — я показал кавычки двумя пальцами.

— А что насчет тебя? — ехидно улыбнулся брат и легонько стукнул кулаком мне в плечо.

— На что ты вообще намекаешь?

Я вроде не давал никаких поводов думать о том, что как-

то интересовался Селин, хотя я и находил ее привлекательной.

— Эмир, у тебя нет девушки, у нее — парня, насколько мне известно, поэтому сложи два и два, — подмигнул Левент. — Надеюсь, считать умеешь, уже взрослый. Вот только помни, что ей все еще семнадцать, — невзначай напомнил брат.

— С каких пор ты хочешь свести меня с Аслан? Родители точно не будут в восторге, — сказал я и стал отходить от дома, чтобы наконец распрощаться с братом, а не стоять и трещать, что аж язык устал.

— Зачем с ней сводиться, она же и так всем... — он осекся, понимая, как это звучало, ведь мы были одной из самых приближенных семей к Аслан.

Я покрутил пальцем у виска, затем развернулся. Левент очень рисковал сейчас лишиться языка, а может, и жизни, если бы это услышал Серхат, да и вообще кто-либо из семьи Аслан, зная, какими дружными они являлись и как стояли горой друг за друга.

Мне не было свойственно использовать девушек. Многие мужчины из наших кругов, конечно, так поступали, потому

что хотели вдоволь нагуляться до того, как женятся, хотя, уверен, что были и такие, которые и с женами ходили налево. Однако если я выбирал девушку, то встречался с ней, как нормальный мужчина.

Спустя несколько минут ходьбы по району, я все же достал телефон и стал печатать сообщение Селин, в котором просто поздоровался и сказал, что это мой номер. Ответное сообщение пришло гораздо быстрее, чем я ожидал.

От кого: Селин Аслан

Привет, Эмир.

Если не против, можем встретиться на стадионе возле школы для детей солдатов через час, как идея?

За час я вполне мог дойти самостоятельно, да и в принципе не ощущал напряжения в теле, наоборот — прилив сил и энергии, а это явно был хороший знак после всего, что случилось.

От кого: Эмир Кылыч

Не против. Тогда до встречи.

И почему мне казалось, что это больно похоже на мини-свидание? Вполне возможно, что мозг или, скорее, сердце именно этого и хотело, потому что знало, что Селин вы-

зывала непонятные ощущения в теле. Меня нисколько не удивлял тот факт, что она вот так с легкостью могла встретиться со мной, потому что я, да и все в Стамбуле, кто знал Аслан, были в курсе, что эта девочка точно не из робких, а из тех, кто мог дать отпор и с легкостью залезть языком в рот парню. Конечно, я считал это слишком, но боялся слова «шлюха». Однако Селин точно на это было плевать, судя по ее реакции и судя по тому, как она продолжала вести себя, как будто высказывая какой-то протест, но пока, лично я, не понимал кому.

Стадион школы

Подойдя к стадиону, заметил, как девушка с копной кудряшек в черных лосинах и коротком топе занималась на турнике, пытаясь подтянуться, но еехватило лишь на один раз, и она грозно выдохнула.

— Попробуй схватить турник шире своих плеч, — попытался подсказать я, подходя со спины, отчего Селин резко обернулась, готовая наброситься.

— Лучше не заходи со спины, — отчеканила она, и я кивнул. — Ты пешком? — спросила она и снова повисла на турнике, но схватилась шире, следуя моему совету.

— Когда написал тебе, уже прогуливался, поэтому решил, что было бы опрометчивым решением возвращаться домой, — объяснил я и заметил, что у Селин стало лучше получаться подтягиваться, и даже целых два раза, хотя я, по сути, не знал, сколько точно она могла подтянуться.

— Разомнемся? — спросила девушка, когда спрыгнула с турника, немного тяжело дыша, отчего ее грудь активно вздымалась. — Тебе можно бегать? — поинтересовалась она, и я встал напротив, когда мы вышли на ровную дорожку, которая была покрыта специальным мягким и не скользящим покрытием.

— Не пробовал, но, если не быстро и недолго, думаю, можно, — слегка улыбнулся я и стал повторять за Селин разминочные движения.

Честно говоря, сейчас она выглядела совершенно другой. Кто вообще разносил те поганные сплетни о ней? Некоторые из них доходили до того, что «шлюха семь Аслан» любила трахаться не с одним парнем, а может, даже не с двумя. Впрочем, люди всегда искали выгоду от своих слов и слухов. Они думали, что так могли погубить человека, которому они, на самом деле, завидовали, хотели быть на его месте, поэтому-то и опускали. Однако Селин не выглядела так, будто эти сплетни задевали ее. Она все так же продолжала

ходить на вечеринки и целоваться с парнями, причем не в какой-то отдельной кабинке, а открыто, сидя на диване в общем зале, будто специально показывая то, как языки парней исчезали в ее рте.

— Что? Растерял форму? — усмехнулась Селин, когда пробежала быстрее меня.

— Я только набираю темп. Подожди, и сделаю тебя на раз два, — подмигнул я, не заметив, как мы с ней легко перешли на «ты» и общались так, будто являлись друзьями или, по крайней мере, хорошими знакомыми. — Давай так, — вдруг сказал я, и девушка вопросительно выгнула бровь, при этом поправляя руками высокий хвост. — Если я обгоню тебя, ты будешь моим личным тренером по борьбе, — предложил я, а она хмыкнула, будто была уверена, что пробежит быстрее.

— Идет, а если я пробегу быстрее, научишь меня играть на гитаре.

Откуда она знала, что я играл на гитаре?

— Идет, — ответил я, хотя, честно говоря, и так бы согласился научить ее.

И почему я только хотел этого? С каких пор мне нрави-

лось проводить время с девчонкой семьи Аслан? Раньше мы просто не замечали друг друга. Раньше я не глазел на нее, как мелкий сопляк, который хотел поцеловать девчонку. А теперь... Что изменилось?

Мы встали на линию старта, поочередно кинули друг на друга хитрые взгляды, отсчитали вместе с одного до трех и рванули вперед.

Мне не хотелось признаваться, что бок ныл, но, думаю, что выражение моего лица, особенно сейчас, когда я напрягал мышцы всего тела, выдавало меня с потрохами. Конечно, я мог бы проиграть, потому что предложение Селин тоже выигрышное, но „Аллах“, мне хотелось обогнать! Будто я не мог уступить девушке...

Ну последнем издыхании я все-таки поднажал, и открытые новые легкие сделали свое дело, потому я пересек черту финиша первым. Однако Селин не отставала от меня, буквально увязываясь за мной и едва не валясь с ног, когда в следующую секунду пробежала мимо.

— А ты молодец! — сказал я и немного попрыгал на месте, но этого не стоило делать, потому что шов заболел сильнее.

— Все нормально? — спросила девушка, наверняка заметив то, как я стиснул зубы от боли. — Воды?

Она прошла к своей сумке и достала бутылку, которую затем бросила мне после моего согласного кивка.

— Спасибо. Все же бегать так быстро пока точно не стоит, — оповестил я и снова сделал два глотка воды.

— Я не хочу, чтобы тебе удалили еще одну почку, но уже из-за меня, поэтому больше не предлагай такие вызовы, — с мягкой улыбкой произнесла Селин, и я передал ей бутылку, чуть касаясь своими пальцами ее.

Аллах, Эмир, прекрати это! Она помогает тебе только из-за чувства вины, и потому что ты спас ее двоюродного брата, а после того, как тело полностью восстановится, Селин забудет о тебе так же, как забывала остальных, с кем целовалась на вечеринках.

После пробежки мы разошлись по разным сторонам, предварительно пожелав хорошего вечера друг другу. Я не знал, когда мы еще встретимся, чтобы позаниматься вместе, но почему-то уже ждал этого дня, ведь теперь Селин — мой личный тренер, хотя мне не особо он был нужен.

Только посмотрите: девушка будет учить мужчину драться. Мафия когда-то могла представить такой исход событий? Думаю, нет. Однако в Семье в принципе не было таких строгих правил, как, например, в Фамилье и Братве. И оно только к лучшему.

Дойдя до дома и приняв душ, решил, что на сегодня можно считать себя победителем. Тело настолько устало, что невероятно болело и кололо в разных местах. Я же надеялся, что одна почка справится с тем ритмом жизни, к которому я привык, — не хотел быть обузой, не хотел отсиживаться, пока Левент рисковал жизнью. И как только я подумал о нем и о работе, телефон, лежащий на тумбочке, издал противный звук, оповещая о входном сообщении.

От кого: Левент

Думаю, ты будешь рад пролить кровь тех, кто всадил тебе пулю в почку.

Если да — встречаемся в «Кулу» в десять вечера.

Я до сих пор колебался, когда Левент предлагал пытаться наших врагов. Не то чтобы мне их было жалко — вовсе нет. Здесь больше играла роль религии. Наша мать, конечно, не поддерживала нашу работу, но кто виноват, что мы родились в семье Аги? И все же... не мог отказать в помощи Семье избавиться от ублюдков.

Глава 5. Каждому свое

«Люди видят то, что хотят видеть. И не слышат того, что не хотят слышать.»

— Уильям Шекспир

Прошлое. Селин 14 лет

Сегодня мой день рождения и, честно говоря, думала, что желания отмечать его — вовсе не будет. Не потому, что я не любила дни рождения, а потому, что перегорела за проведенные дни в школе, дома и в спортзале.

Я подозревала, что папа и мама что-то готовили для меня, а может, и не только они, ведь вся семья с самого утра ходила с загадочными лицами. А я, вскидывая каждый раз одну бровь наверх, размышляла, когда же они расколуются или когда уже принесут подарки. Да, я никогда не скрывала и не собиралась скрывать, что любила подарки, ведь они означали внимание, а мне оно было важно. Может, еще поэтому я вытворяла «всякую дичь», как говорил Джан, хотя эти слова еще более-менее прилично звучали в отличие от тех, что я бывало слышала, если двоюродный брат общался с друзьями или с остальными братьями и сестрами примерно его возраста.

Луна с самого утра нарядилась в летнее платье, потому что на улице стояла жара, а мама заплела ей косички. Она хотела сделать такую же прическу и мне, потому что с нашими кудрявыми волосами было очень жарко, но я не могла усидеть на месте в отличие от сестры, поэтому мама на третий раз попытки бросила это дело, сказав, чтобы я сделала себе пучок. Я не винила ее за нетерпеливость, потому что знала, что в этом виновата только я, да и мне и правда не легко усидеть на месте, поэтому я последовала совету мамы и сделала объемный пучок, который, казалось, был больше, чем моя голова.

Моя же одежда состояла из джинсовых коротких шортов, белого топа и голубой рубашки, которая скрывала задницу, ведь она «вываливалась из шортов», как говорила мама, ругая меня за одежду, хотя бывало и сама ходила в таких. Конечно, не в то время и не в те дни, когда мы должны были идти в церковь, а после из уважения к отцу и в мечеть, ради галочки, как примерная семья. Тогда мы все переодевались в монашек, будто вообще не делали ничего плохого в жизни, да и наша семья будто бы не убивала людей.

Папа разрешил не идти в школу, но почему-то именно сегодня в настроении царило желание поехать туда, будто там должно было произойти что-то интересное, поэтому под шу-

мок я уговорила Рамо отвезти меня на второй урок, потому что на первый уже опаздывала.

— И куда это вы собрались? — раздался нежный голос тети Кадер у нас за спинами, когда мы с двоюродным братом выходили из дома.

Мы с Рамо замерли, боковым зрением смотря друг на друга и выглядя так, будто нас поймали с поличным, но ведь так оно и было.

— Рамо обещал покатать меня на своей новой машине, — весело отозвалась я, надеясь, что тетя Кадер поверит в ложь, но она лишь прищурила глаза и перевела их на своего мужа, а он, кажется, готов был уступить ей, рассказав, куда на самом деле мы собирались поехать. — Пожалуйста, Кад, мы туда и обратно, — умоляюще попросила я и взяла за руку Рамо, чтобы поскорее утащить его за собой, пока тетя не сделала это за меня.

Почему я не хотела признаваться в том, что мы ехали в школу? И сама не понимала. После того случая, как папа буквально влетел в школу посреди перемены, обращая на себя все внимание и ища моего обидчика — Нико — меня стали сопровождать в школу либо двоюродные братья, либо телохранители, поэтому ко мне больше никто не мог прибли-

зиться, и даже если смеялись где-то вдалеке, то быстро смолкали, как только на них обращался холодный взгляд. И сейчас мне хотелось улизнуть одной, проверить, а как со мной будут обращаться, если я снова приду одна? Будет ли Нико задирать меня после того, как папа чуть не убил его на заднем дворе школы, прямо там, где сняли видео со мной?

— Хорошо, но ты присмотришь за ней, иначе Серхат сделает из нас мясной фарш, точнее, — Кадер указала пальцем на мужа, — из тебя, Рамо.

Брат лишь усмехнулся, зная, что на самом деле ему все сойдет с рук, затем мы вместе направились на улицу, выходя из дома.

Когда Рамо остановил машину у школы, я мельком взглянула на него и улыбнулась одними губами, хотя внутри бушевал огонь, потому что на самом деле я целенаправленно шла в школу, чтобы увидеть Нико... Увидеть, как теперь он страдал, ведь мой папа буквально подавил его при встрече, а мама еле оттащила и остановила своего мужа от поспешных и резких движений в сторону моего обидчика, но все равно на лице Нико красовались ссадины, насколько я знала, потому что кто-то или он сам сделал фотографию, выложив в интернет, будто так мог стать еще более популярным и крутым.

— Без глупостей, котенок, — остановил меня Рамо, схватив за руку, когда я стала вылезать из машины.

— Я и без глупостей? — с усмешкой спросила я. — На мне даже нет нормальной одежды, а я пришла в школу, — оглядела себя сверху вниз, оценивая наряд, который больше походил на наряд шлюхи, которой меня и считали. Однако почему-то меня больше не задевало это оскорбление. Я поняла, что бессмысленно оправдывать себя, потому что те, кто хотели видеть меня таковой, — будут видеть, даже если им доказывали обратное; такие люди не умели слышать правду, потому что им — удобна своя.

— Если хочешь, я подожду здесь, — быстро проговорил брат, пока я не успела закрыть дверь машины.

— У тебя и так полно своих дел, — ответила я и помахала рукой на прощание.

Обратно я вполне могла добраться самостоятельно, хотя папа против таких прогулок от школы до дома, ведь мы — Аслан. Особенно дети и женщины, должны были быть всегда под присмотром либо кого-то из семьи, либо охраны, которой дядя Кемаль пользовался довольно редко, не подпуская практически никого к особняку.

Школа, на удивление, встретила меня криками девочек из класса, которые купили шарики и большого плюшевого медведя в подарок. Я немного усмехнулась подарку, ведь мне исполнилось четырнадцать, а не десять, когда я еще любила мягкие игрушки, но приняла медведя, взяв его в руки, практически обнимая, как своего самого лучшего друга.

У меня не было настроения учиться, поэтому на всех уроках я с кем-нибудь болтала, за что получала выговоры, а из-за одного такого разговора учительница выгнала меня из класса, говоря при этом, чтобы я оставалась до конца урока в коридоре — должна хорошенько обдумать ужасное поведение. Обычно учителя боялись таким образом разговаривать с детьми солдат, да и тем более с детьми семьи Аслан, но, видимо, мое паршивое поведение затмило страх. Однако я совершенно не была против того, чтобы постоять в коридоре и позалипать в телефоне, просматривая ленту в инстаграме и отвечая на поздравления. Вот, по какой причине я любила дни рождения, — именно я была в центре внимания, поэтому и чувствовала себя гораздо лучше, чем в любые другие дни.

Простояв несколько минут, я услышала, как кто-то громко разговаривает; похоже, это была девочка. Звуки исходили из раздевалки для мальчиков, насколько я поняла, когда немного прошла по коридору.

— ...отстань, Нико! — донеслось до меня, и я тут же навострила уши, подойдя чуть ли не вплотную к двери раздевалки. — Удали, — произнесла грубо девочка, после чего раздался мужской смех. — Удали, я сказала! — почти перешла на крик она, но если там был тот самый Нико, друзья которого снимали меня на видео, потом выставляя с помощью него в плохом свете, то у меня были плохие новости для нее — он ни за что не удалит видео, даже если ваш папа готов убить его.

Мне стало страшно в момент, когда раздался грохот, и я, не думая ни секунды больше, ворвалась в раздевалку, увидев картину, как Нико прижимал девочку к шкафчикам и что-то угрожающе шептал ей на ухо, а она, хоть и со слезами на глазах, грозно смотрела прямо в наглые глаза, пытаясь наверняка прожечь, как это пыталась сделать я, раньше.

— Отойди от нее! — грубо приказала я, расставив руки в стороны, будто готовилась к схватке, но, если Нико и правда соберется сделать хоть малейший шаг в мою сторону, я наплюю на все правила школы и вмажу по его сладкому личику.

— Иначе что, маленькая шлюшка? — презренно спросил он, подняв подбородок кверху, будто был здесь самым важ-

ным, затем отошел от девочки, которая, казалось, пыталась подать мне какие-то знаки, указывая глазами на Нико и моргая; что она хотела сделать? Чтобы мы схватили его и побили?

— Здесь шлюха только ты, Нико, — уверенно и грозно проговорила она и стукнула Нико по голове несколькими учебниками, которые попались ей под руку, когда она засунула ее в сумку, что висела на плече.

Нико практически не шелохнулся, но слишком резко повернулся ко мне спиной, вероятно, чтобы ударить свою обидчицу, но я схватила его за руку и быстро заломала ее, отчего Нико согнулся, скуля от боли. Мне было четырнадцать, но я уже умела постоять за себя, да и не только за себя.

— А теперь удаляй все видео со своего телефона! — прошипела я, наклонившись к уху Нико.

— Пошла ты, тварь! — грубо выплюнул он, и я еще сильнее заломала руку, а девочка помогала удерживать Нико внизу, чтобы, не дай Бог, он слишком резко не пошевелился, и я бы выпустила его от неожиданности.

— Неправильный ответ, — спокойно сказала я. — Посмотри в его карманах. Если он сам не хочет удалять фото-

графии и видео, которые снял без нашего разрешения, то сделаем это сами.

Она тут же начала шариться руками по карманам брюк Нико, и он стал сильнее вырываться. Кажется, он даже бесился от того, что его удерживала девчонка, а я хотела от этого только рассмеяться. Нико со своими друзьями умели только унижать и принижать других с помощью слов и поддельных видео, от которых они, наверное, получали удовольствие.

Я знала, что когда-нибудь справедливость восторжествует, но не думала, что сегодня. И этот момент был самым лучшим подарком на день рождения.

За несколько месяцев до...

Селин

Возвращаясь с небольшой тренировки с Эмиром, я испытывала странное чувство окрыленности. Я никогда раньше не занималась с кем-то, кроме мамы, папы или Джана. Однако с Эмиром мне даже понравилось проводить время, хотя это всего лишь должно занять какое-то определенное количество времени, ведь я обещала помочь с восстановлением, потому что отчасти испытывала чувство вины из-за того, что он закрыл Джана собой и пострадал сам.

От кого: Калиста

Привет, подружка. Не хочешь сегодня встретиться?

Мы давно не виделись с Калистой, потому что она уезжала с мамой в другую страну, чтобы отдохнуть от гнетущей обстановки Стамбула и от работы отца, который являлся солдатом нашей семьи.

От кого: Селин

Спрашиваешь?

Заеду за тобой в пол одиннадцатого.

Припарковав машину на подъездной дорожке, я вышла из машины, направившись в свое крыло через сад и тут же чуть не стала жертвой ножа звездочки, но вовремя остановилась, потому что кроссовок зацепился за что-то в траве.

— И кто этот смельчак, который бросается во дворе оружием? — недовольно прокричала я, смотря в сторону, куда улетел нож и вонзился в дерево.

Спустя пару минут из-за угла вышел Барыш — сын Ийгита — и виновато почесал затылок, другой рукой крутя еще одну звездочку. Я всегда удивлялась, как ему и его отцу удалось не порезаться об острые края?

— Барыш, ты мог прямо сейчас убить свою тетю, — устало произнесла я и поняла, что в кроссовок вонзился такой же нож, которыми он пулялся. — Еще и кроссовки новые испортил, благо нога осталась цела.

Я кое-как, согнувшись, вытащила звездочку и отдала ему.

— Не думал, что кто-то в такое время прогуливался по этой части сада, — непринужденно пожал он плечами и прошел к дереву, доставая еще один нож, складывая их всех у себя в руке.

— Теперь знай, что я использую этот проход в ночное время, — напоследок предупредила я и прошла дальше, заходя в дверь.

По громким возгласам в доме находилось как минимум двое детей, но сейчас у меня были некоторые другие дела, нежели играть в няньку, поэтому я прошмыгнула на лестницу и быстро, перепрыгивая через ступеньки, поднялась на второй этаж и прошла в свою комнату.

Прогулки с Калистой в основном всегда заканчивались бурными вечеринками, потому что мы не могли просто так сидеть и болтать. Конечно, изначально нужно было излить душу и рассказать новости, но потом подобные разговоры

надоедали, поэтому мне просто жизненно необходимо освежить макияж и переодеться в красивую одежду, которая подошла бы для клуба.

— Ты уходишь? — на пороге комнаты спустя полчаса появилась Луна и заметила меня, сидящей возле зеркала; я пыталась нарисовать стрелки, но выходило паршиво, судя по ватным палочкам и дискам, которые были разбросаны по всему столу.

— Давай ты не будешь задавать лишних вопросов, а просто поможешь мне накраситься? — повернулась я к Луне и склонила голову, и она издала смешок, окончательно входя в комнату. — Ты же у нас мастер макияжа, — напомнила я.

— Селин, ты же понимаешь, что опасно вот так уходить из дома посреди ночи?

Снова это ее переживание за меня, но почему никого не волнует то, что наши двоюродные братья могли разгуливать чуть ли не всю ночь по Стамбулу, возвращаясь под утро? Долбанные двойные стандарты!

— Понятно, это все бесполезно, — вздохнула Луна и чуть приподняла мой подбородок одним пальцем, чтобы лицо осветилось светом, и стала аккуратно вырисовывать стрелку

на одном глазу.

Сестра быстро справилась с поставленной задачей, и я, покрутившись перед зеркалом и сделав несколько фотографий для инстаграма, аккуратно вышла из комнаты, надеясь никого не встретить по пути. Луна в таких моментах умела прикрывать меня, говоря о том, что я поехала к Калисте домой, но, конечно, с каждым разом что мне, что ей доверяли меньше в этом плане, потому что на утро мое состояние оставляло желать лучшего: от недосыпа и выпитого алкоголя.

Сегодня мне повезло: в доме все еще были слышны голоса, похоже, что некоторые так и не легли спать и тусовались в общей гостиной, поэтому именно они-то и помогли в каком-то плане заглушить звук двигателя машины.

Мне не было плевать на свою безопасность и на мнение родителей с двоюродными братьями, дядями и тетями по поводу моих прогулок по ночам совершенно в одиночестве, то есть без охраны, однако, если бы ко мне приставили телохранителя, я бы не смогла раскрепощенно вести себя, потому что знала, что он мог все рассказать, хотя в сети и так писали многое о «шлюхе семьи Аслан». Но я лишь каждый раз ухмылялась новой сплетне, потому что все, что я любила, а именно — внимание, у меня было, да и я только радовалась забрать этот титул себе, оберегая от него Луну, которая

точно не заслуживала его. Конечно, такую, как она, вряд ли можно было хоть в чем-то обвинить, но люди, которые развивали по ветру грязные слухи так или иначе могли придумать что угодно, лишь бы засрать человека, даже Луну.

Я забрала Калисту из дома, и первым делом мы направились в одно маленькое кафе, что находилось неподалеку от ночного клуба, в который, вероятно, обязательно заглянем, ведь сегодня там должна проходить крутая вечеринка с приглашенными диджеями из сердца Стамбула. Это не было чем-то удивительным, по крайней мере, для нас — детей мафии, а вот для остальных, кто не являлся частью мафии, — да, ведь они не могли себе позволить поехать на улицу грехов.

— Каждый раз при наших встречах, особенно, когда мы долго не видимся, я вспоминаю тот момент с Нико в раздевалке, — снова напомнила Калиста, и я усмехнулась, проглатывая отпитый кофе, который должен был помочь мне протусоваться всю ночь. — Как мы его тогда ловко обошли, удалили все фотографии с девчонками.

Калиста каждый раз говорила, что нужно бы повторить это, потому что с того момента Нико совершенно не изменился, но обходил нас стороной, хотя и обещал отомстить.

— Я даже не думала, что ты со мной будешь дружить.

Калиста была старше меня на два года, но после того случая, когда я буквально спасла ее от очередного позора в виде обнаженных фотографий в телефоне Нико, мы стали общаться, и я даже завидовала самой себе, ведь сдружилась со старшеклассницей.

— За нас? — я подняла стаканчик с кофе, а Калиста с молочным коктейлем, который обожала, и мы чокнулись, хотя совсем скоро будем чокааться стопками с текилой.

После болтовни на парковке у маленького кафе, я вжала педаль газа в пол, отчего машина заревела чуть ли не на всю улицу в ночной тишине, но нам было плевать, потому что мы ехали веселиться.

Как только я и Калиста ступили на порог клуба, войдя без очереди, так как семьям мафии открыт вход во все заведения Стамбула, тут же проследовали к бару, ловя на себе любопытные взгляды. Некоторые, вероятно, даже не подозревали, кто мы такие, — здесь присутствовали не только дети солдат, от этого и пялились на нас, как будто мы стояли на витрине магазина. Однако у нас с Калистой был практически идентичный стиль в одежде: мы любили короткие юбки, топы, широкие штаны, спущенные на бедра, а еще чаще наде-

вали кроссовки, чем каблуки. И сейчас лично на мне была надета черного цвета короткая майка и темно-синие джинсы, на ногах же черные кроссовки от Nike. И даже этот образ привлекал мужчин, хотя раньше мне казалось, что я должна надевать короткие платья и юбки, но нет, все дело еще в энергетике, которую ты можешь преподнести. Если девушка уверена в себе, это сразу видно, и это только еще больше привлекало мужчин.

— Борана здесь нет? — спросила я Калисту после того, как мы заказали стопки с текилой у бармена.

— Ты же знаешь, что у него другие предпочтения, — пожала подруга плечами. — Зачем мне лезть к человеку, которому в кайф встречаться с двумя? Я не разделяю его мнения о том, что можно любить сразу двоих, поэтому лучше буду тусоваться с кем-то из парней, которых я забуду завтра утром.

Я видела, как Калиста переживала насчет Борана, потому что он и правда нравился ей, но не стала настаивать на продолжение этого разговора, да и бармен выставил перед нами стопки.

— За тебя, подруга! — громче прокричала Калиста, так как диджей решил прибавить звука, оповещая о начале ве-

черинки.

Музыка с каждой минутой набирала обороты практически точно так же, как наш организм набирал обороты в алкоголе, заставляя пьянеть больше, заставляя совершать необдуманные поступки.

Какие-то два парня спустя час подошли к нам с Калистой, когда мы танцевали в середине танцпола, но мы не стали прогонять их, а лишь вертелись вокруг них, как две сирены, что искушали в морях пиратов, заманивая в свое логово, утаскивая глубоко в море, забирая души. Они думали, что вели, но на самом деле все крутилось вокруг нас. Только мы решали, когда их руки будут притрагиваться к нашим телам, когда будут проглаживать сверху вниз, от чего мурашки поползут по коже, одурманивая сильнее алкоголя. Только мы решали, когда их губы прикоснутся к нашим, а языки вторгнутся в рот. Мужчины вообще часто думали, что подчиняли нас своей власти, но девушки лишь разрешали этому произойти, не развивали иллюзий, ведь, если раскрыть карты, то останешься ни с чем.

— Я хочу тебя! — прокричал парень, с которым мы обжимались несколько минут назад на танцполе, но я решила, что музыка слишком зажигательна, чтобы стоять в толпе, поэтому залезла на барную стойку, теперь двигая бедрами в такт

музыке, а диджей подмигивал мне и махал рукой, как бы говоря, чтобы я заводила скучную толпу.

Калиста, как и всегда, снимала меня на телефон, и я кривлялась в камеру, то приседая ниже, то выпрямляясь во весь рост. Ей не нужно было излишнее внимание, поэтому она всегда оставалась немного в стороне, предпочитая наблюдать за мной и подавать мне очередную стопку текилы.

В один момент подруга стала махать мне рукой и что-то кричать, но я не слышала ни единого слова, поэтому пришлось слезть с барной стойки, чуть не упав, поскользнувшись на пролитом алкоголе. Как только ноги оказались на полу, я приставила ухо к губам Калисты и услышала:

— Нико здесь.

Больше подруге ничего не нужно было говорить, потому что все мое внимание было обращено на того самого мудака, сидящего практически напротив нас и разговаривающего, видимо, со своим другом, дерзко улыбаясь и расставляя ноги в разные стороны, что аж хотелось подойти и пнуть.

— Плевать на него, подруга! — прокричала я и снова влила в себя текилу, перед этим слизав соль с краешка стопки.

Мы обе стали его жертвой, только Калиста пострадала от его рук больше, чем я, и, возможно, она все еще не наслаждалась мстью из-за выложенных им своих фотографий. Я понимала ее, но хотела, чтобы подруга уже отпустила это и жила дальше.

— Калиста, нет, — остановила я ее, схватив за руку, как только она направилась в сторону Нико. — Оставь это.

Но она помотала головой и одернула руку. Я тяжело вздохнула, но осталась стоять на месте, наблюдая за тем, как подруга кокетливо подходит к Нико и подсаживалась к нему на колени. Алкоголь мог туманить разум, но не настолько же, чтобы целоваться с тем, кто выставлял тебя в плохом свете, буквально показывая всему интернету твои голые фотографии. Но разве можно было остановить человека, если он сам себя загонял в ловушку?

Прошное. Эмиру 18 лет

Казалось, что я влюбился с первого взгляда: как только девушка махнула темными волосами, отбросив их за плечи и оголяя при этом ключицы. Раньше я не видел ее в городе, а поспрашивав у друзей и знакомых, узнал, что она и правда приехала недавно. Так значит она не из мафии? А знала ли она о том, что здесь правила мафия?

Несколько дней я встречал ее на стадионе возле школы. Она включала музыку на плеере и тренировалась, кажется, разучивала новые связки; наверное, была танцовщицей. Может, даже приехала в Стамбул, чтобы выступать.

Из-за нее я стал больше проводить времени на стадионе, делая вид, что занимался: подтягивания, бег, отжимания, но на самом деле глаза всегда были устремлены на нее. И в один момент она заметила это и улыбнулась, а я расценил это как хороший знак. Не то чтобы я боялся подходить к девушкам, просто любил сначала притереться и присмотреться, даже если с первого взгляда они мне нравились. Казалось, что, когда сердце стучало настолько быстро, то я забывал о том, кем на самом деле являлся, и что на моих руках уже достаточно крови.

— Привет, — все-таки подошел я к девушке, и она включила музыку на плеере, который лежал на асфальте.

— Привет, — ответила она и красиво растянула губы в улыбке, и я невольно улыбнулся в ответ. — Я заметила, что ты каждый день тренируешься здесь, — продолжила девушка.

— Да, я стараюсь поддерживать форму, — непринужден-

но пожал плечами я, делая вид, что вовсе не из-за нее здесь бывал так часто, потому что обычно наши с братом тренировки проходили именно в Кулу. — А ты новенькая? В этом городе, — поинтересовался я и облокотился о брусья, но рука соскользнула, и я чуть не полетел всем телом на землю, вовремя схватившись другой рукой о брусья.

Она вдруг засмеялась, а я почувствовал себя неловко, но издал смешок вместе с ней.

— Спокойно, я не съем тебя, — шутливо произнесла она. — Да, я новенькая, но ненадолго здесь. Наша команда по танцам приехала выступать сюда на соревнования. Мы прилетели из Анкары, — уточнила девушка и протянула руку, продолжив: — Ниль.

Похоже, это было ее имя.

Я протянул ладонь и назвал имя:

— Эмир Кылыч, но можно просто Эмир.

Наши руки соединились, и мне показалось, что ее ладонь очень мягкая и нежная, отчего захотелось поддержать ее в своей на минуту другую подольше.

— Почему ты здесь одна, если вы выступаете командой?

От моего вопроса Ниль как-то сразу замялась, но быстро сменила эмоции на лице.

— Я не совсем успеваю за остальными, поэтому прихожу тренироваться после наших совместных занятий, — объяснила она. — Знаешь, мне нужны чужие глаза, — девушка склонила голову вбок. — Не против побыть ими?

— С радостью, но я не эксперт, — сразу предупредил я, но Ниль, кажется, было все равно на это.

Она включила музыку и отдала мне плеер, затем отошла чуть подальше и стала танцевать. Я не знал, что это за стиль танцев, но выглядело очень красиво: плавные и изящные движения девушки завораживали, и я готов был смотреть на нее целый день. Я буквально пускал слюни, открыв рот, и даже не заметил, как музыка прекратила играть, а Ниль уже сидела рядом со мной, тяжело дыша после связки.

— Сходим куда-нибудь? — выпалил я, совершенно не думая ни о чем, кроме зеленых глаз, которые смотрели на меня в ответ.

— Хорошо, давай, — согласилась девушка, а внутри меня

буря стала спокойнее.

Спустя неделю

Ниль танцевала под песню, которую я играл на гитаре. Ей нравилось, что музыка шла не из плеера, а звучала по-настоящему, поэтому теперь, когда она знала о моем, как она сказала, таланте — я же так не считал, потому что являлся самоучкой — заставляла меня играть, когда мы встречались на стадионе после ее основных репетиций. Конечно, я не сопротивлялся, потому что по уши влюбился в неё: в темные длинные кудрявые волосы, в зеленые глаза, как трава после дождя, в легкие грациозные движения во время танцев, в улыбку и смех. Я даже не подозревал, что можно так легко полюбить кого-то.

Как оказалось, Ниль не знала о мафии. Конечно, я не говорил ей о том, что в Стамбуле, да и не только, она процветала, и что я являлся солдатом Семьи, просто потому, что так было легче, просто потому, что мне нравилось, что она видела во мне лишь обычного парня.

— Ты сбился? — вопросительно выгнула бровь Ниль, и я действительно понял, что играл совершенно другую песню; видимо, мысли отнесли меня в другое место.

— Немного, — пожал я плечами. — Давай заново, — попросил я, но она остановила меня, подойдя ближе и присев рядом на скамейку. — Расскажи, что не так? В последние дни ты странная.

Как можно было так легко с кем-то разговаривать, когда вы знакомы только неделю?

— Переживаю из-за соревнований, — непринужденно и так легко ответила Ниль, будто ей плевать, но на самом деле я знал, как она усердно тренировалась изо дня в день, видел, как она падала на репетициях, сбивая колени в кровь и царапая ладони.

— Ты танцуешь лучше, чем все остальные, Ниляй, — сказал я и дотронулся указательным пальцем до ее подбородка, аккуратно поворачивая голову к себе навстречу и встречаясь с обеспокоенным взглядом. — Откуда в тебе эта неуверенность? Тебя же взяли в Стамбул, значит — ты можешь станцевать так, что ваша команда займет первое место, разве нет?

Ниляй вздохнула и чуть опустила голову на мою руку, прижимаясь к ней щекой.

— Только ты меня поддерживаешь, Эмир. С родителями у

меня трудные отношения, а с девочками из команды я почти не общаюсь. Не спрашивай почему, я сама понятия не имею.

Как же можно было так жить? Для меня семья — опора и поддержка, даже если мы не всегда сходились во взглядах.

— Поцелуешь меня? — внезапно спросила Ниль, а я замер, опуская руку вниз от ее подбородка.

Нияй не останется здесь, в Стамбуле. Я знал об этом с самого начала нашего общения, но не мог остановиться. Ровно так же, как и не мог остановиться прикоснуться губами к губам Ниль: сначала аккуратно и нежно, затем с небольшим напором, после — вторгаясь языком в ее рот. Этот поцелуй не был моим первым, но, целуя Нияй, понял, что предыдущие поцелуи можно с легкостью забыть, потому что именно она одурманила меня с первых секунд, именно ее губы ощущались совершенно по-другому, возможно, потому что я относился к Ниль как к особенной, а не просто как к девушке, которая может удовлетворить мои потребности.

— Ты украл мой первый поцелуй, Эмир Кылыч, — тихо и мягко прошептала она, когда наши лбы столкнулись, а губы оторвались друг от друга.

— Надеюсь, ты не жалеешь об этом, — отозвался я и ух-

мыльнулся, заправляя рукой прядь ее кудрявых волос за ухо.

Нилей немного посмеялась и прикусила нижнюю губу, а я мог сойти с ума только от

этого жеста, если бы так и продолжил пялиться, потому что, казалось, что я хотел гораздо большего, чем поцелуй, но она опередила меня, сказав:

— Я буду очень навязчивой, если скажу, что хочу тебя?

— Вовсе нет, потому что... — я поднял глаза и заглянул в зеленые радужки, которые внимательно следили за мной и моей реакцией, — ...я тоже хочу тебя, Ниль, — на выдохе сказал я, и наши губы снова сплелись, не переживая о том, что кто-то мог нас увидеть — плевать, потому что все, что имело значение, — это девушка, которая буквально сносила мне голову, сводила с ума, хотя я почти ничего не знал о ней, ровным счетом, как и она обо мне.

Настоящее время

Клуб «Кулу»

Эмир

Конечно, я согласился прийти в Кулу, потому что иначе не мог, ведь я был солдатом, и как бы не верил в Аллаха

и каялся ему в смертных грехах на молитвах, должен был выполнять долг перед семьей и перед Патроном, да и так я чувствовал себя нужным и полезным, хоть и не испытывал кайфа от пыток.

Левента тоже нельзя было назвать любителем крови и пыток, но ему нравилась сама идея мести, и что так можно наказать врагов за их оплошность, за их промахи, за их боль, причиненную, например, как в этот раз, мне. Мы с братом не часто выражали друг к другу братскую любовь. Скорее, любили подшучивать. Однако, когда дело доходило до нападения на кого-то из нас, мы вставали горой, готовые разорвать любого, кто причинил боль.

Ийгит Аслан, конечно же, решил самым первым испробовать свои любимые ножи на врагах. Хватило нескольких дней, чтобы окончательно поймать всех и затащить в грязный, пропахший гнилью и сыростью, подвал. Люди Максимилиана сидели на перекошенных стульях чуть поодаль от своего Босса, а сам Лоренте сидел посередине маленькой комнатки, уже опустив окровавленную голову вниз, но Ийгит каждый раз кричал и заставлял его смотреть на того человека, который медленно и мучительно убивал, истощал, истязал, лишал жизни по маленьким кусочкам, отчего крики агонии заполняли подвал и едва ли не были слышны наверху, где гроыхала музыка, но даже сквозь нее, уверен, мож-

но было расслышать то, как Макс истерил, когда нож Ийгита в очередной раз проходил по коже, разрезая плоть, а кровь быстро-быстро начинала струиться по коже этого ублюдка, после стекая на ножки стула и пол, но наш Патрон не боялся испачкаться в крови — он буквально готов был купаться в ней. Все его люди знали, насколько он кровожаден.

Когда Максимилиан окончательно отключился, потеряв много крови, его отвязали, нащупали пульс, которого не было. Ийгит даже расстроился, но по его внешнему виду казалось, что с него хватит, хоть он сам и не мог выйти из этого сумасшедшего состояния.

— Развлекайтесь дальше с ними сами, — бросил он, вытирая полотенцем лицо от капель крови.

Левент дал положительный ответ Патрону, и как только дверь за ним закрылась, мы с братом достали ножи из кожаных чехлов, прикрепленных к нашим ремням, и подошли к остальным людям Лоренте. Кто-то все еще смело смотрел в наши глаза, даже нагло. Кажется, здесь был и тот, кто лишил меня почки, и... как жаль, что первое, что я собирался сделать с ним, — вырезать сначала одну его почку, затем — вторую.

Безумие Ийгита передавалось через воздух. Я пытался аб-

страгироваться от самого себя, а точнее от этой своей части, потому что она — не я, потому что она — на самом деле не часть меня, и я не хотел быть ее частью. Что я там говорил про кайф от пыток...

Нож рассекал толстую кожу тяжело, но я держал одной рукой за шею человека Макса, чтобы он не дергался, а другая рука уверенно шла по тому месту, где находилась почка. Если бы я видел себя со стороны, то мог бы с легкостью сказать, что передо мной не Эмир, а монстр, которого слишком долго продержали в клетке, а теперь он вырывался наружу и скалил зубы в попытке найти еду.

— Эмир, — слышал сквозь шум в голове, который не позволял мне остановиться, который не позволял слышать моим демонам слово «стоп». — Эмир! — еще раз, затем крепкая рука опустилась на плечо, но я продолжал разрезать плоть уже другого из людей Лоренте. — Эмир!

И тут я резко остановился; перед глазами больше не плыло, я четко видел то, что сделали мои руки, которые были в крови: она стекала на пол, капая на белые кроссовки. Боже правый, почему я надел белые кроссовки на пытки?

— Уходи.

Левент развернул меня к себе, чтобы я обратил внимание только на него, а не на тех, кого мы пытали. Я лишь кивнул и положил ножи на стол рядом со стеной, затем прошел к выходу, напоследок услышав:

— И сходи в душ перед тем, как поехать домой.

Еще бы я не сделал этого. Наша мать, вероятно, сойдет с ума и решит, что неплохо бы тут же отвести к имаму, чтобы он изгнал шейтана, если увидит меня в таком состоянии.

Через час я сидел в машине на парковке возле какого-то шумного клуба. Я не знал, что это за место, но руки, что крутили руль, сами завели меня сюда. Настроения не было. Вообще. Никакого. Я все еще чувствовал, как слипались руки, а когда опускал на них глаза, видел кровь. В кого я превратился сегодня? И почему это произошло? Я не пытался и не жалел людей Лоренте — они получили по заслугам, нарушив слово и приказ Патрона, но... Да нахер это все!

Я откинулся на сиденье и тупо смотрел в потолок, когда зацепился за две буквы, написанные то ли карандашом, то ли ручкой, то ли фломастером. Нахмутив брови, снова выпрямился и достал из кармана джинсов телефон, на котором включил фонарик, поднеся к тому самому месту, где... написано: «Э+Н».

— Блять... — выругался я и стал тереть переносицу двумя пальцами.

Раньше я этого не видел. Как мог не заметить? И когда Н написала это?

Девушка, которая была моей первой любовью, стала просто буквой, просто потому, что я не мог произнести ее имя полностью ни вслух, ни у себя в мыслях. Возможно, так я осквернял ее память. Возможно, так я еще больше выгонял ее из воспоминаний, но каждый долбанный раз, садясь в машину, будто ощущал ее присутствие, потому что Н любила кататься вместе со мной по ночному Стамбулу.

Я резко наклонился к бардачку в машине, чтобы достать оттуда влажные салфетки, надеясь стереть это недоразумение. Однако, сколько бы я ни тер, надпись не стиралась, а в глазах скапливались непрошенные слезы.

«Я уезжаю, Эмир».

Я стукнул по рулю машины и попал в сигналку, отчего некоторые стоящие люди на парковке вздрогнули.

«Ты приедешь ко мне? Я буду ждать тебя».

Я не должен был отпускать тебя, Н.

«Спасибо за твою поддержку. Мне было так хорошо, когда мы проводили время вместе. И... я рада, что именно с тобой у меня случилось все в первый раз».

Выкинуть. Забыть. Стереть.

Выкинуть. Забыть. Стереть.

Вдох. Выдох.

— Эй, парни, подвезете? — послышался громкий женский голос, и я отвлекся, протирая влажные глаза пальцами, а потом опустил окно машины еще больше, потому что через тонировку нихрена не было видно. — Ну же! Мы немного вы... выпили, — снова произнесла девушка, и я узнал в ней Селин.

Она тащила за собой, видимо, свою подругу, но они обе практически не стояли на ногах. Парни, к которым они обращались, лишь смеялись над ними, а один из них похабно стал распускать руки, приблизившись к Селин.

— Не-е-т, так не пойдет, ма-а-лыш, — протянула она и попыталась оттолкнуть парня от себя, но тот лишь сильнее

прижал ее к себе, отодвигая подругу Аслан в сторону, в руки своим друзьям.

Я окончательно пришел в себя и, достав пистолет из-под сиденья, сжав в руке, резко вышел из машины, хлопая дверью так, чтобы на меня сразу обратили внимание.

— Чувак, ты тоже хочешь повеселиться? — спросил один из парней, когда я подошел ближе.

— Прекратите лапать девушек, это первое, — грубо сказал я и заметил любопытный взгляд Селин на себе.

Парни посмеялись, и тот, что говорил со мной до этого, выбросил сигарету, достав ее двумя пальцами изо рта, мне под ноги, но я никак не среагировал, лишь спокойно отошел от места, куда упала сигарета. Однако... был ли я на самом деле спокоен?

— А второе? — вопросительно выгнул бровь парень, засунув руки в карманы.

Я поднял руку с пистолетом, целясь в его голову, и сказал:

— Это второе, — дерзко улыбнулся я, и парни вытаращили глаза. — Уберите от девушек руки! — приказал я так,

будто общался с солдатами, совсем как Левент; казалось, что до этого момента я и понятия не имел, что мог таким образом изрекать мысли. Мне всегда думалось, что я не создан, чтобы командовать кем-то.

— Лады, чувак, мы уходим, — парень поднял руки и махнул ими своим друзьям; те выпустили Селин и ее подругу из хваток, и они тут же стали отряхивать себя, будто от пыли или грязи, что вполне вероятно, судя по одежде и поведению этих парней.

Я ничего не стал говорить, когда парни ушли, а девушки лишь пялились на меня, как на полного идиота. Кажется, алкоголь делал с людьми что-то странное, особенно в таких количествах, которое они, вероятно, выпили, раз не могли нормально стоять на ногах, а их губы постоянно расплывались в дурацких улыбках.

— Калиста! — вдруг кто-то прокричал со входа в клуб, и подруга Селин обернулась и подняла руку. — Ты поедешь домой? — спросил парень, подойдя чуть ближе к нам.

— Эй, нет, Калиста, ты пое-е-дешь с на-а-ми, — пьяно протянула Селин и чуть не споткнулась о собственные ноги, и мне пришлось подхватить ее, схватив за предплечья, а когда она выровнялась, отпуская подругу, наши лица оказа-

лись на неприлично близком расстоянии. — Ты... Эмир, — Селин тыкала в мою грудь пальцем и кокетливо улыбалась. — Ты... возьмешь нас с собой? — склонила голову набок и буквально обмякла в моих руках.

— Твоя подруга уже хорошо устроилась в руках того парня, так что я возьму только тебя, буря, — внезапно вырвалось у меня.

Она нахмурилась, но не заострила внимание на имени, которым я ее назвал, лишь обернулась и стала вырываться из моих рук, говоря, что нельзя отпускать Калисту.

— Послушай, Калиста не была против его компании, — попытался успокоить Селин и медленно вел ее за собой, держа за руки.

Она устало вздохнула, но все-таки села в мою машину, или, скорее, плюхнулась и сразу откинула голову на подголовник. Как только я сел на водительское сиденье и завел двигатель, Селин потянулась в карман джинсов, которые еле-еле держались на бедрах из-за столь низкой посадки, и достала телефон.

— А можно подключиться к машине? Хочу включить музыку, — спокойно спросила эта неугомонная девушка, и

мне показалось, что сейчас она гораздо трезвее, чем была несколько минут назад.

Я кивнул и нажал на несколько кнопок, затем машина издала звук, который означал, что телефон подключен.

— Твоя машина где-то здесь? — спросил я, как только тронулся с места и оглядел парковку, находя единственную дорогу тачку на ней.

— Ох... да, — устала ответила Селин и включила музыку, но она не была клубной, наверное, даже спокойной и умиротворяющей, а я думал, что в машине Аслан пожелает продолжить вечеринку. — Папа убьет меня.

Она взмахнула руками и нервно засмеялась.

— А как ты здесь оказался? И... что это? Кровь? — Селин вдруг приблизилась ко мне, осматривая то ли лицо, то ли шею.

— Как будто первый раз видишь кровь, — непринужденно пожал плечами, будто просто порезался, а не искупался в крови людей Лорене. — Тебя отвезти домой или к подругам, например?

Я не знал, были ли у Селин еще друзья помимо Калисты, да и не знал, а стоило ли вести ее в таком состоянии домой.

— О, нет, только не домой! — запротестовала девушка, мотая головой в разные стороны. — Я уже написала, что ночую у Калисты, но... кажется... — она залилась смехом, и я невольно издал смешок, поворачивая руль направо, выворачивая на дорогу, которая вела в наш дом, — ...Калиста сегодняшней ночью сменила пол, м?

Селин чуть наклонилась вперед, чтобы заглянуть в мое лицо.

— Почему ты такой серьезный, Эмир? С тобой так скучно!

Сейчас она напоминала подростка, хотя по сути и являлась им, ведь ей семнадцать, и для меня такое поведение было практически детским. Однако... Селин кого-то мне напоминала, но я как можно дальше и быстрее отбрасывал эти мысли и образы, потому что не хотел, чтобы этот день закончился именно так — воспоминаниями о прошлом.

В доме было тихо, так как родители уже спали, а Левент с женой и сыном жили на соседней улице, но тишина закончилась как только Селин ступила на порог дома и чуть на сва-

лилась, не заметив ступеньку, отчего вскрикнула, а я цокнул языком в очередной раз подхватывая ее, но уже за оголенную талию, прикасаясь руками к ее животу.

— Будь тише, маленькая буря, — лишь сказал я, а Селин закатила глаза, чуть повернув голову в мою сторону, а мои руки так и продолжили держаться за тонкую талию.

Аллах, Эмир, отпусти ее!

Мы с горем пополам поднялись на второй этаж, где находилась моя комната, затем я закрыл дверь прямо перед тем, как Селин все же свалилась на пол, споткнувшись о кровать, потому что в темноте хотела найти дорогу... куда?

— Тш-ш-ш!

Я резко подлетел к ней, когда ее смех заиграл на всю комнату, а то и на коридор, наверняка заглядывая в комнату родителей; и прямо сейчас я понял, что пора бы свалить из родительского гнездышка, хоть мне и нравилось здесь — тут я мог всегда помочь родителям.

Когда девушка успокоилась и так же шикнула на меня, как я на нее, задал вопрос:

— Тебе нужно в душ?

— Только если ты пойдешь со мной, — хихикнула она, и я снова словил флешбек.

Она сама поднялась с пола и взяла меня за руку, потянув к двери, за которой и правда была ванная комната.

— Нет, ты останешься здесь, а я выйду, — поучительно и скучно произнес я, хотя где-то глубоко внутри и правда хотел остаться, хотел... Осторожно, Эмир.

Селин захлопнула за собой дверь и повернула ключ, ехидно улыбаясь, смотря в мои глаза.

— Селин, прекрати.

Я попытался сдержать нервную улыбку и обойти ее, но неугомонная лишь сильнее прижалась к двери, сложив руки под грудью и склонив голову вбок.

— Я не играю в эти игры и не за этим привез к себе в дом, — предупреждающе объяснил я и оперся рукой о стену.

— Правда что ли? — как-то по странному задала вопрос Селин и подняла руки к черному топу, собираясь снять его.

— Брось, Эмир, ты же знаешь, кем меня считают, разве ты другого мнения?

Мне показалось, что она говорила это с примесью горечи и желчи во рту, но не понимал — ей стыдно за себя или просто больно от оскорблений в свой адрес?

— Я не сужу людей по слухам, — подойдя ближе к Селин, чуть ли не вплотную, сказал я, смотря в темные глаза, которые готовы были сожрать меня.

А потом Селин все же сняла с себя топ, оголяясь.

— А если так?

Она точно хотела вывести меня на эмоции, либо посмотреть на реакцию и действия, будто проверяя, а я лишь отвел взгляд, пытаюсь смотреть куда угодно, лишь бы не на грудь Селин.

Аллах, и за какие грехи ты послал мне этот соблазн?

Глава 6. Синий

«Иногда человек приходит в твою жизнь не для того, чтобы остаться, а чтобы показать тебе, что ты ещё

умеешь чувствовать.»

— Оскар Уайльд

За несколько месяцев до...

Селин

Голова раскалывалась так, будто я первый раз в жизни пила алкоголь. Мне даже тяжело было открыть глаза, потому что солнце, кажется, светило прямо в лицо, поэтому я еле как подняла онемевшую от неудобной позы руку и прикрыла ладонью глаза, чтобы хотя бы так, сквозь руки, постепенно открывать их.

Спустя несколько долгих или даже вечных минут я все же прозрела, но до сих пор жмурилась и хмурилась, потому что от яркого солнца Стамбула голова начинала гудеть и болеть лишь сильнее. Я не понимала, почему вообще было так плохо. Дешевый алкоголь? Или перебрала?

Я привстала на кровати, в которой буквально утопала из-за мягкости матраца, и села на задницу, скрестив ноги по-турецки, затем просканировала незнакомую спальню, примечая черную гитару в одном из углов. В памяти начали всплывать моменты с Эмиром: то, как он направил пистолет на одного из парней, которых я хотела попросить подвезти нас; то, как мы слушали мою музыку в его машине; то, как...

Ох, черт! Глаза опустились вниз, но на мне не было прежней одежды, в которой я уехала в клуб. На мне была надета широкая и длинная футболка темно-синего цвета, похоже, мужская. Эмир переодел меня после того, как я... сняла перед ним топ? Почему я помнила практически все только до этого момента? Что было после? Я помню лишь то, как он отвел взгляд от меня и моей груди, будто ему не нравились мои действия, после же... ни-че-го.

Я оглянулась назад, на кровать, понимая, что спала на единственной в этой комнате кровати, и если спальня являлась собственностью Эмира, то... где спал он? После его отведенного взгляда не верилось, что он мог так просто лечь рядом.

— Доброе утро, Бу... Селин, — вдруг раздался мужской голос из-за двери, которая слишком тихо открылась, и я не заметила, как Эмир зашел, пока я осматривала остальную часть комнаты.

Как он хотел меня назвать?

«Будь тише, буря», — каким-то эхом в голове отдался голос Эмира.

С каких пор он позволял себе называть меня таким обра-

зом? Да и откуда вообще взялось это «Буря»?

— Надеюсь, ты не против, что я уложил тебя в свою постель, — практически виновато посмотрел на меня парень, но в то же время в его взгляде как будто бы гулял шальной огонек, который он старательно пытался скрыть, смотря куда угодно, но не на меня.

— Я почти ничего не помню, так что... — соврала я, ведь не помнила лишь конец вечера или, скорее, уже ночи, — ... нет, не против, наоборот, благодарна, — сказала я и попыталась встать с кровати, потому что не могла более находиться здесь — в комнате Эмира, в его доме, в котором он наверняка жил не один, а с родителями, если еще и не с братом.

Однако, как только я встала на ноги, спустив их с кровати, чуть не упала на пол, пошатнувшись, но сильные руки поймали меня, обхватив за талию, а лоб уперся в грудь Эмира. Как ему удалось так быстро оказаться рядом? Предугадал, что мое состояние оставляло желать лучшего?

— Кажется, я перепила вчера, — издала смешок я и подняла голову, встречаясь с темными глазами. — Надеюсь, я не разгромила твой дом и не натворила дел...

Почему мне вообще было стыдно? Почему я пыталась

оправдать себя? И почему вообще притворялась, будто ничего не помнила? Не помню себя такой, как сейчас.

— Ну... — протянул Эмир и слегка улыбнулся, приподняв уголок губ и переведя глаза в сторону, — ...если не считать то, что ты разделась передо мной, в остальном все в порядке, — пожал плечами он, а его руки все еще покоились на моей талии, и казалось, будто Эмир пальцами поглаживал поясницу: такие маленькие незаметные движения; может, он делал это машинально?

Я выпучила глаза и чуть не закашлялась, проглотив ком, что встал в горле.

— Разделась полностью? — чуть скривила губы я, понимая, что все же память пропала раньше.

— Почти. Я остановил тебя в последний момент, а потом ты, кажется, залезла в душ.

Эмир, видимо, пытался восстановить хронологию событий в моей голове, но я напрочь забыла о душе.

Я еще раз оглядела себя, намекая на футболку, и он понял мой немой вопрос, поэтому продолжил:

— Это моя футболка. Ты сама ее надела, когда вышла из душа.

Хорошо. Это и правда хорошо. Потому что я уже начала думать о том, что после душа вовсе вышла голой, ведь мне действительно свойственно такое поведение, особенно под действием алкоголя. Однако... мне и правда было стыдно перед ним. Черт, и почему? Какого хрена?

Он все же отпустил меня из сильной хватки, надежно держащую возле себя, а потом сказал, что в доме никого нет, и мы могли бы спокойно позавтракать. Сначала я хотела отказаться, но урчащий желудок явно восстал против меня и моего решения, поэтому, оставшись в темно-синей футболке, поплелась следом за Эмиром, осторожно ступая по лестнице, а перед глазами в это время появлялись картинки того, как ночью я буквально ползла по ним — в тот момент они казались бесконечными и слишком крутыми, но так происходило всегда, когда в организм попадало много алкоголя.

Дом семьи Эмира Кылыча не был каким-то вычурным, в нем отсутствовал дух богатства, такого явного, мол, смотрите, у меня много денег — вовсе нет, но спокойные оттенки бежевого и коричневого придавали дому уюта. Честно говоря, я привыкла к нашему огромному особняку, поэтому мне было немного некомфортно и даже неудобно здесь, но это

лишь моя проблема.

Кухня была довольно просторной с небольшим островом в середине, вокруг которого стояли высокие стулья. Эмир предложил либо сесть за него, либо пройти к окнам и сесть за нормальный стол, но я согласилась на первый вариант, теперь усаживаясь поудобнее, ставя ноги на немного прохладную перекладину у стула.

— Что ты обычно ешь на завтрак? — поинтересовался он, заглядывая в холодильник.

— После таких тусовок, как вчера, могу съесть, что угодно, лишь бы утолить голод, — призналась я, болтая ногами в воздухе и подпирая рукой щеку. — Не нужно на меня готовить что-то конкретное, — уточнила я, заметив, как Эмир стал доставать еду из холодильника, ставя на столешницу рядом.

Через десять минут передо мной стояла глазунья с беконом на краю тарелки и с поджаренным хлебом. Эмир все-таки заморочился, а я удивилась, что он умел готовить, потому что в нашей семье мало кто из мужчин отличался этим, но, возможно, он специалист только по завтракам.

— А ты, — посмотрела я на Кылыча, когда он уселся на-

против меня, доставая телефон из кармана джинсовых шорт, — не будешь есть?

Было даже как-то неловко от того, что я единственная завтракала и что только для меня готовили еду, а ведь раньше я бы наоборот предпочла все внимание себе. Раньше? То есть... вчера? То есть... до сегодняшнего утра?

— Я уже завтракал, — объяснил Эмир. — Примерно час назад.

Я чуть нахмурилась, прикидывая, сколько же времени тогда сейчас было.

Эмир, кажется, по моему выражению лица, в очередной раз, понял, что мне нужно было и повернул экран телефона ко мне, показывая время, которое, оказалось, перевалило за двенадцать дня. Черт... меня же, наверное, обыскались. Папа и мама точно сошли с ума.

— А где мой телефон? — обеспокоенно спросила я, вертя головой в разные стороны, хотя понимала, что здесь его точно не могло быть. — Мне не жить... — тихо прошептала я и опустила голову на ладони.

— Поешь, Селин. По крайней мере, еда поможет немного

прийти в себя, а я поищу твой телефон.

Эмир обращался со мной, как с маленькой девочкой, которая не знала, что и как делать. Да, мне было семнадцать, но чувствовала я себя на все двадцать, вероятно, потому что давно стала ускользать из дома по ночам и тусоваться. И на самом деле по какой-то причине мне хотелось быть взрослой, в отличие, например, от Луны, которая то и дело повторяла о том, что всю жизнь прожила бы с родителями, потому что так ей спокойнее, чем где-либо еще и с кем-то чужим.

Пока Эмир искал телефон, я съела почти половину порции, то и дело смотря в окно на то, как солнце отливало золотым и жгло зеленую траву, идеально подстриженную. Сад на заднем дворе был небольшим, но в нем стояли качели, а в другой стороне стояло кольцо для баскетбола. Значит, кто-то из братьев занимался баскетболом, и почему-то мне думалось, что этим человеком являлся Левент. Так ведь звали старшего брата Эмира?

Кстати, о Левенте... Кто-то подходил к двери, пройдя вдоль дома и на секунду заглянув в окно. Насколько я поняла, рядом с мужчиной шла еще и девушка со светлыми волосами и смеялась, красиво растягивая губы в улыбке. Они были похожи на пару.

Я прыгнула со стула, оставив вторую половину завтрака на тарелке, и аккуратно прошла в коридор, так как голова все еще немного кружилась, и в ту же секунду, которую я остановилась напротив входной двери, она открылась, и на пороге замерли Левент с девушкой, а потом Эмир спустился с лестницы, при этом бурча себе под нос, что нашел мой телефон, и в тот момент еще не заметил своего брата, так как смотрел себе под ноги.

— Хорошая ночь, брат? — ехидно спросил Левент, подмигивая, а Эмиру резко остановился на последней ступеньке.

— Левент! — осекла девушка, стукнув его по плечу кулаком, отчего тот поморщился, будто ему и правда больно.

— Я уже ухожу, — небрежно сказала я и заправила за уши растрепанные волосы; а ведь я даже не удосужилась посмотреть на себя в зеркало, наверное, выглядела, как какая-то дешевка, которую сняли на ночь.

Эмир хотел было что-то сказать, но я буквально выдернула из его руки телефон и сорвалась с места, поднимаясь по лестнице на второй этаж и входя в спальню, чтобы переодеться и сбежать отсюда. Не то чтобы я не хотела поболтать с Левентом и его девушкой, которая выглядела как супермо-

дель с модного журнала, да и в принципе была очень милой, особенно, когда попыталась осечь своего парня, если они и правда являлись парой, но нарушать их семейную идиллию не хотелось, ведь я совершенно чужой человек, тем более незванный.

Переодевшись в топ и джинсы, которые лежали на стуле, аккуратно сложенной стопочкой, зашла в ванну, чтобы оценить внешний вид: волосы, которые я так старательно выпрямляла, снова завились волной от влажности и жары; тушь, которую я, видимо, вчера до конца не смыла, расплзлась в уголках глаз. Если бы я могла, то ударила бы себя со всей силы по лбу, но я лишь прислонилась им к зеркалу и медленно выдохнула, затем смыла остатки туши водой, насколько это вообще было возможно сделать.

— Селин, — услышала я голос Эмира, а потом он зашел в ванну. — Тебе не обязательно уходить так скоро, ты даже не доела завтрак, — оповестил он, а я не понимала, почему ему так хотелось остановить меня.

Я повернулась к нему всем корпусом, снова встречаясь с темными радужками, и сказала:

— Меня вообще не должно быть здесь, Эмир, да и телефон разряжен, так что, если папа узнает, где я, то жди все

семейство Аслан у своей двери.

И ведь папа действительно мог с легкостью узнать о том, что я вовсе не у Калисты, позвонив ее родителям, что, вероятно, он уже либо сделал, либо скоро сделает, если я в ближайший час не объявлюсь дома.

Я не стала дожидаться ответа от Эмира и прошла мимо него, направляясь на первый этаж, где были слышны голоса Левента и его девушки.

— Давай я подвезу тебя, — быстро нагнал меня Эмир, практически останавливая возле входной двери и мимолетно касаясь запястья, будто если бы он задержал на нем руку, то обжегся бы.

— Не стоит, я в состоянии вызвать такси, — отмахнулась я, боковым зрением замечая на себе любопытные взгляды. — Спасибо за... все и прости, если вела себя, как идиотка, — неожиданно выпалила я, затем нажала на ручку на двери и вышла во двор, оставляя парня позади себя, но остановилась на последней ступеньке, зажмурила глаза и повернулась снова к входной двери, сказав: — А ты можешь вызывать такси? Телефон...

— Разряжен, — усмехнулся Эмир, и я кивнула, поджимая

губы. — Да, конечно, минуту.

Он исчез внутри дома, затем вернулся с телефоном в руках, останавливаясь рядом со мной.

— Я не знаю точный адрес, — оповестил Эмир, и я быстро проговорила его.

Если бы это был какой-то левый парень, с которым я провела ночь, то, конечно, не сказала бы, но это была семья Аги, поэтому я доверяла Эмиру.

— Приедет через две минуты.

— Спасибо, — снова поблагодарила я, но не хотела стоять в тишине, поэтому продолжила: — Левент встречается с этой девушкой?

Возможно, это было слишком личное, но по какой-то причине я думала, что Эмир мог раскрыть такие детали своей семьи.

— Мелек его жена, и у них есть сын. Мигелю три года, — сказал Эмир, и я вытаращила глаза.

Как? Как эта шикарная девушка могла уже иметь сына?

Точнее она и Левент.

— Удивлена? — чуть улыбнулся Эмир.

— Немного. Она выглядит молодо и... не знаю, какое слово подобрать для той, у кого уже есть сын трех лет, — пожала плечами я, отмечая еще и то, какое красивое имя было у нее, явно не итальянское. — Мелек не итальянка ведь? — решила уточнить я.

Валентино помотал головой в разные стороны и ответил:

— Нет, она роддом из Урфы. А как я знаю, Урфа славится красивыми девушками.

И в этот момент подъехало такси. Я в очередной раз попрощалась с Эмиром, а потом заметила, как Левент с Мелек наблюдали за нами с какими-то загадочными улыбками из окна кухни, и, когда я уселась в машину, помахала им рукой.

Пока я ехала домой, нервно перебирала пальцы на руках, потому что не знала, что меня ждало в особняке, и какой реакции ждать от родителей, да и от всей семьи тоже. Если бы я ночевала у Калисты, то все было бы гораздо проще. Кстати, о ней... Где она? В памяти только что всплыли моменты с Нико: подруга целовалась с ним в клубе, затем ушла к

нему на парковке. Черт, это могло закончиться плохо. Очень и очень плохо. Теперь я переживала не только за себя, но и за Калисту; возможно, что за подругу даже больше, потому что я совершенно не понимала, по какой причине она полезла к тому, кто чуть не разрушил ее жизнь и репутацию?

Как только такси остановилось возле дома, я, поблагодарив водителя, вышла из машины и подошла к высокому забору, за которым тут же слышала громкие голоса; прислушавшись, поняла, что это, кажется, мама, папа и Луна.

— ...вернется! Скоро вернется! — повысила голос сестра, видимо, успокаивая родителей. — У нее часто разрезается телефон, когда она гуляет.

Хотелось засмеяться от этих слов Луны, но она видела во мне лучшее.

— Калиста сказала, что она не ночевала у нее! — сердито произнес папа и хлопнул дверью, наверное, машины.

Бог мой! Почему подруга выдала меня?

Ладно, я сама виновата во всей этой каше, поэтому только мне разгребать это дерьмо; возможно, теперь меня точно посадят на цепь.

Рука потянулась к ручке на калитке, затем медленно нажала на нее, и в этот момент голоса стихли ровно так же, как и мое сердце перестало отбивать бешеный ритм, опасно замедляясь, предвкушая лица родителей и сестры.

— Я дома, — тихо сказала я с легкой улыбкой на лице, зайдя на территорию особняка, будто и вовсе ничего не натворила, будто меня не обыскались все утро и день.

Надо было видеть выражение лица папы, когда я вот так непринужденно зашла домой; казалось, он готов разорвать меня на части, но перед этим вытрясти информацию о том, где меня, черт возьми, носило.

Вернемся на несколько часов назад

Эмир

Селин продолжала сверлить меня взглядом, после того как оголилась, но я смотрел лишь в стену либо сбоку от себя, либо выше ее головы. Как бы мне не хотелось опустить глаза — не мог, но соблазн слишком велик. Очень велик. Поэтому я отвернулся окончательно, поворачиваясь спиной к Селин, отчего она хмыкнула.

— Ладно, тогда... я разденусь и приму ду-уш, — снова

протянула она пьяным голосом, и в тишине послышался звук расстегивающейся молнии на джинсах. — Боже, парни еще никогда не были такими ску-у-учным со мной, как ты, Э-МИ_Р, — издала смешок Селин и дотронулась ладонью до моей спины, чуть толкнув меня вперед, и я послушно отошел в сторону, пропуская ее в душ. — О, не волнуйся, я закрою за собой дверь, ведь тебе так не хочется смотреть на мое тело, — опередила эта чертовка меня, когда я хотел толкнуть прозрачную дверцу душевой за ней.

Я прикусил щеку изнутри, потому что ее слова вовсе не были правдой. Мне нравилась фигура Селин: ее формы, бедра, узкая талия, сексуальные изгибы, которые она так любила демонстрировать всем, совершенно не стесняясь, привлекая этим к себе внимание, и, Всевышний, мне нравилось ее дерзкое поведение — оно ярко контрастировало с моим спокойным характером, поэтому казалось, что мы могли бы идеально поладить; наверное, идеально, если мне не снесет голову от характера рано или поздно.

На выходе из ванной я все же позволил себе обернуться на долю секунды, замечая то, как девушка просто стояла под струями воды, которые лились по ее телу большими каплями, очерчивая фигуру, как называли ее девушки, в виде песочных часов. В один момент руки зачесались, потому что желание дотронуться до мокрой кожи Селин возросло до

небес, но я снова отвернулся, на этот раз выходя из ванной.

Через несколько минут Селин вышла из душа, надев мою темно-синюю футболку, которую я оставил ей, надеясь, что она все-таки возьмется за ум или хотя бы протрезвеет из-за душа, и наденет хоть что-то, а не выйдет голой.

— Я буду спать здесь? — спросила Селин, подходя ближе к кровати и указывая пальцем на нее, теперь ступая осторожнее, чем когда мы только вошли в комнату.

— Это моя кровать, поэтому, да, здесь, но я уйду в гостиную, чтобы не мешать твоему сну, — оповестил я и поднялся с кровати, на которой до этого сидел, лазая в телефоне и смотря видео, которые уже успели выложить в интернет из того самого клуба, откуда я забрал Селин: на некоторых видео можно было ее заметить, что танцевала на барной стойке.

Селин как-то странно замялась, оттягивая футболку пальцами вниз, будто теперь ей было стыдно за свой вид и поведение, а потом вдруг сказала:

— Можешь остаться со мной, просто каждый будет спать на своей стороне.

Я немного усмехнулся от ее слов, ведь кровать принадле-

жала только мне, но для Нее уже имело место быть такое понятие как «своя сторона»; быстро же она умела присваивать вещи.

Так мы и сделали. Я не был против такого предложения, поэтому, сняв футболку, оставаясь в домашних спортивных шортах, лег в кровать и потушил свет. Пару минут стояла гробовая тишина, а потом Селин тихо засопела, и это показалось даже милым. Повернув голову в ее сторону, увидел то, как она сжимала руками подушку, лежа на животе, и этот образ снова отбросил меня на несколько лет назад.

Н любила спать так же. А под утро она смешно утыкалась всем лицом в подушку.

Н носила эту же футболку, и мне казалось, что она до сих пор пахла ею.

Аллах, почему они были одновременно такими похожими и такими разными?

Настоящее время

Когда Селин уехала, а я понял, что Левент с Мелек все то время, что мы стояли с ней, наблюдали за нами, я невольно закатил глаза, но прошел обратно в дом, проводив взглядом перед этим такси, надеясь, что Селин не сильно накажут за

ее отсутствие дома и за разряженный телефон. Во всяком случае, если семейство Аслан узнает о том, что она ночевала у меня, то, вероятно, могут и правда прийти с разборками, хотя был ли в этом смысл, зная, как их дочь вела себя со всеми парнями?

— Тренировки стали вовсе не просто тренировками, а? — подколот меня брат, как только я прошел на кухню, чтобы провести время с ним и его женой. Кажется, они оставили сына либо с нашими с Левентом родителями, либо с няней.

— Не начинай, — отмахнулся я и прошел к холодильнику, чтобы достать прохладной воды. — После Кулу я заехал к какому-то клубу на парковку и встретил Селин с подругой. Они были пьяны и чуть не наравились на каких-то мудаков, и я решил подвезти ее. В итоге, — я развел руки, в одной из которой держал бутылку, — Селин оказалась здесь, чуть не разбудив родителей посреди ночи, — объяснил я. — И не смотрите на меня так.

Я выгнул бровь и указал пальцем на этих двоих, которые ожидали интересного рассказа. Мелек была чертовски похожа на Левента характером; казалось, они, как два сиамских близнеца, что нашли друг друга.

— Ничего не было. Ни-че-го, слышите? — попытался убе-

дить я, но парочка лишь загадочно переглянулась.

— Хорошо, хорошо, — подняла руки вверх Мелек, — мы верим тебе, но будем ждать подвижек, — улыбнулась она и откинула светлые волосы за плечи.

— С каких пор вы хотите свести меня с Аслан?

Всегда знал, что Левент с женой все-таки попытаются стать сводилами; им казалось, что я страдал от одиночества, но единственное от чего я страдал — давно разбитое сердце.

— Вы хорошо смотрите, — пожала плечами Мелек и придвинула к себе тарелку с клубникой, а я странно покосилась на нее, потому что она не любила клубнику.

Она, вероятно, заметила мои удивленные взгляды и сказала:

— Мы тут кое-что хотели рассказать тебе, точнее сначала тебе.

Левент взял в руку ладонь жены и немного сжал, теперь тепло смотря на нее так же влюбленно, как и несколько лет назад, когда они только встретились. Брат являлся отличным примером того, что даже через года можно сильно любить

человека и заново в него влюбляться.

— Я беременна! — радостно произнесла Мелек с улыбкой на лице, и теперь клубника стала понятна.

Я даже не сомневался, что как только их сын подрастет, они решат завести еще одного ребенка, хотя мне всегда казалось, что Левент не очень-то семейный человек, но теперь я смотрел на него по-другому.

— Поздравляю вас, — улыбнулся я и обнял сначала Мелек, затем брата, перед этим пожав ему руку. — Давно знаете? — поинтересовался я, оглядывая этих двоих.

— Примерно два месяца.

Я снова удивленно вскинул брови.

— Не хотела раньше говорить, так как были некоторые проблемы со здоровьем...

Показалось, что Мелек и сейчас волновалась по поводу этого, и Левент подошел к ней со спины, кладя руки на плечи в знак поддержки.

— Но теперь, думаю, все будет в порядке, — легонько

улыбнулась она.

— Мы поддержим тебя, Мел, — я тоже опустил руку на ее плечо, мимолетно сжав. — Когда скажете родителям? — я уселся на стул за стол, сложив руки в замок, ожидая ответа.

— Хотим устроить небольшую вечеринку. На ней и расскажем, — поделилась Мелек и после стала тараторить о том, какой бы хотела устроить праздник, то и дело забывая нужные слова, и нам с Лоренцо приходилось помогать ей, немного посмеиваясь над этим.

...

Весь оставшийся день я чувствовал себя странно, особенно после того, как проспал всю ночь рядом с Селин, которая напоминала мне первую любовь, хотя изначально она вообще не напоминала Н, но, может, все дело в том, что я стал приглядываться к ней? Однако и это мне не нравилось. Я не хотел вступать в некую войну с семьей Аслан из-за Селин, а я точно знал, что ее семья, особенно отец, могли не поддержать наши отношения. А моя разве поддержит? Зная то, как наша мама пыталась нам с Левентом найти пассию среди знакомых, а именно — религиозных девушек. Почему я вообще размышлял об этом всем, если Селин вряд ли заинтересована во мне, как в парне?

— О чем думаешь, Эмир? — прервал мысли брат, когда вышел на террасу, где я сидел, смотря на сад и держа в руках гитару, но по какой-то причине не играл, будто не мог собрать себя в кучу.

— Ничего такого, — пожал я плечами и немного усмехнулся, откладывая гитару.

— Как ты после вчерашнего?

Я перевел взгляд на Левента, что сел напротив, и нахмурился, не понимая, о чем он говорил.

— Я про пытки, — уточнил брат. — Ты, кажется, был немного не в себе.

Левент почесал затылок, а я вспомнил себя в момент, когда вырезал у того ублюдка почку.

— Ты никогда не любил пытки, но вчера... У тебя все в порядке? Сегодня утром ты тоже был сам не свой, но мне показалось, что это из-за девчонки Аслан, — обеспокоенно сказал брат.

Мы не часто разговаривали по душам, потому что считали это чем-то девчачьим, ведь настоящие мужчины не дели-

лись секретами друг с другом, не вытравливали все плохое из души, кладя на стол и раскрывая карты, вовсе не собираясь играть в покер, скрывая карты от соперника, поэтому я был удивлен вопросам Левента по отношению к себе, но все же с другой стороны приятно знать, что о тебе заботились, тем более когда у брата и так забот навалом из-за работы Аги и из-за второго — теперь уже — ребенка, хоть он и был еще совсем маленьким и обитал в животе Мелек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.